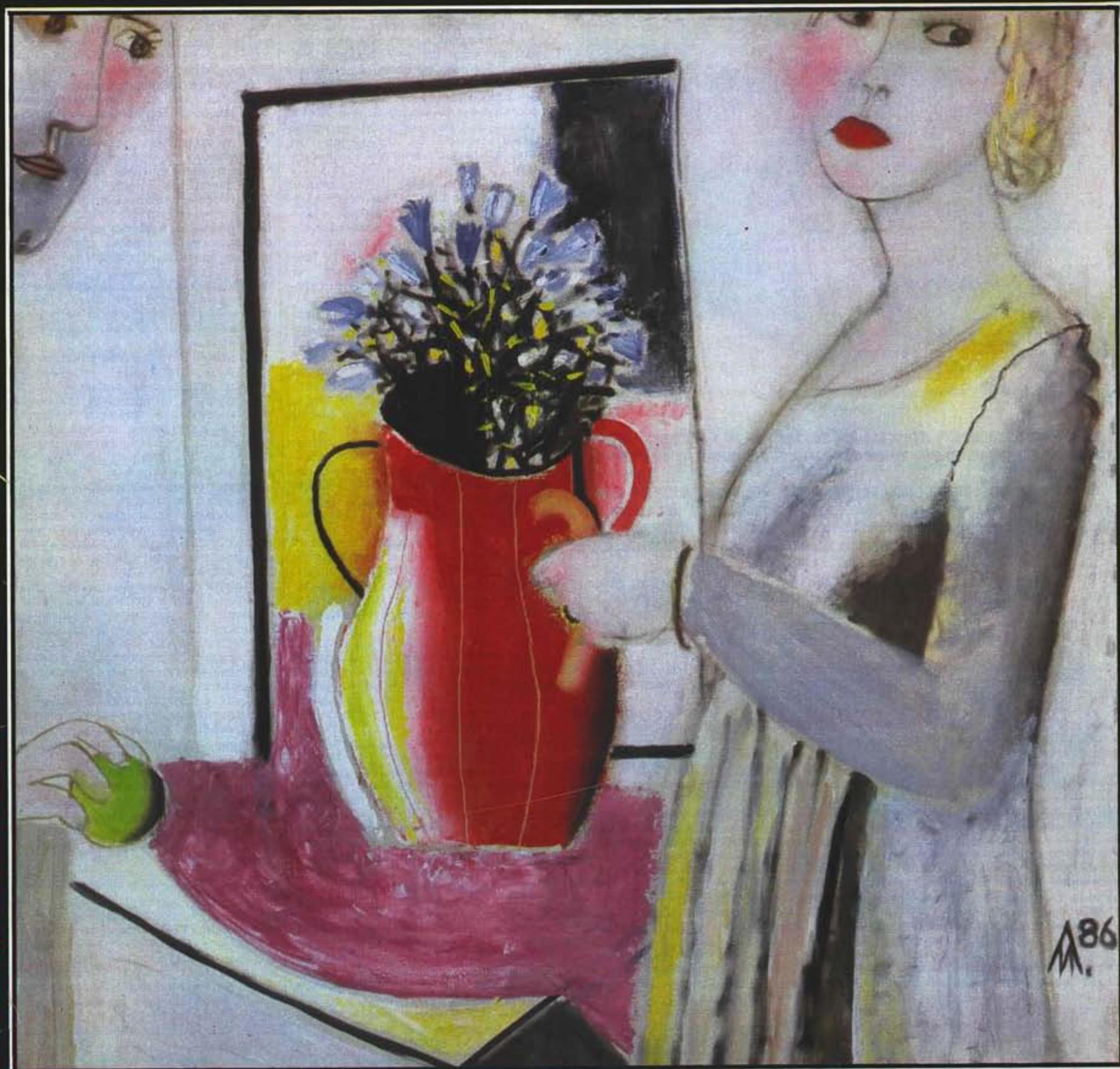

8 СМЕНА

апрель '88

Твой сверстник Володя Ульянов
Из почты главного редактора
Трудно ли раскрыть преступление?
Генерал Каманин вспоминает
Зарубежная мозаика

ТВОЙ СВЕРС

В. Ульянов — гимназист
8-го класса. 1887 г.

Анатолий Васильевич Луначарский сказал как-то о Ленине: «Биографическое в нем, интимное в нем тоже имеет огромную, общечеловеческую ценность».

Вспоминая эти слова, мы убеждаемся, что нравственный облик юного Володи Ульянова и сегодня служит прекрасным образцом для подражания, а вдумчивое осмысление его нынешним молодым поколением побуждает к взыскательной оценке и своего жизненного пути.

В первую блокадную ленинградскую зиму, 2 декабря 1941 года, собралась группа ученых, чтобы отметить 50-летие присуждения Владимиру Ильичу Ленину университетского диплома первой степени. Академик Алексей Алексеевич Ухтомский, видный советский физиолог, сказал в своем докладе такие слова:

«На нас всегда производит величайшее впечатление, когда из обыденной и очень близкой нам обстановки возникает великое».

Так говорил человек, которому была близка и понятна именно та обстановка и среда, в которой рос и складывался как личность и общественный деятель В. И. Ленин.

Тут мы встречаемся с одной из огромного множества попыток познать Ленина. Ибо постичь хотя бы грани становления вождя в ранние годы для многих юных наших читателей во многом значит — заглянуть в самих себя.

Увы, не всегда тут оказывали надлежащую и нужную помощь именно те, кто брался писать об Ильиче ранних лет. Не случайно А. И. Ульянова осуждала людей, кто станет «по линейке проводить взгляды Ильича, не считаясь с их поворотами и изгибами, с жизнью, что только и может интересовать нас. Мы должны бороться с этим. Мы

должны рассказать только правду, идти против всякого стремления пригладивать, что является обычно медвежьей услугой».

Напомнить все это стоит хотя бы потому, что автор телефильма «Симбирская трилогия» Е. Яковлев говорит о «беззаботных днях череде» детства Володи Ульянова.

Невозможно представить его только таким. Любому хорошо известно, что детский ум особенно остро, быстро, словно губка, впитывает в себя все, чем богат окружающий мир, и живо реагирует на его неоднозначные явления.

Да, Владимир Ульянов, к счастью, имел «7-до». Так поговаривали в старину (имея в виду те годы жизни мальчика, которые предшествовали поступлению в школу), если, действительно, этот первый период его жизни был наполнен интересом к знаниям, умением познавать, ненасытной любознательностью. Всего этого у Володи Ульянова было с лихвой!

Но стены дома Ульяновых отнюдь не отгораживали Владимира от бед и превратностей окружающей его жизни. Он сизмальства слышал рассказы отца о скитаниях по дорогам Симбирской губернии. Владимир Ильич позднее сам поведал, как «жадно слушал

рассказы отца о деревне», и это заставляло его «с детства внимательно вглядываться в жизнь деревни».

В родном городке наблюдательный мальчик видел толпы оборванных, изможденных переселенцев, заполнявших улицы губернского, не очень большого Симбирска. А какую пищу самым ярким детским впечатлениям давали ежегодные поездки Ульяновых в деревушку Кокушкино, в 40 верстах от Казани. Впечатления эти остались у него в памяти на всю жизнь!

Что касается отрочества Владимира Ильича, то одним из событий, заставивших его в канун своего одиннадцатилетия, как он сам рассказывал, «внимательно вслушиваться во все политические разговоры», было убийство народолюбцами Александра II. А в 1884 г. разразился страшный голод, косивший тысячи крестьян. Те, кто уцелел, сотнями, побираясь, скитались по Симбирску.

Говоря о детстве и отрочестве В. И. Ленина, о его тогдашних настроениях, стоит обратиться к емкому и меткому высказыванию его земляка и одного из наиболее почитаемых им писателей И. А. Гончарова: «Не быть причастным страданиям — значит не быть причастным всей полноте жизни».

Именно поиски истины и спасли Владимира Ульянова от того, что называют «пустыней отрочества». И это при том, что он как раз в ту пору находился на изломе, испытал первые победы и поражения на крутых «витках» формирования характера и взглядов. А они проявлялись не только в остром схватывании происходящего, но и в естественных для подростка качествах. Рассказывая о них, Анна Ильинична отмечала, что ее среднему брату «насмешка была свойственна вообще, а в этот переходный возраст — в особенности». То был «период сбрасывания авторитетов».

Кому-кому, а большинству читающих хорошо известно, чем сопровождается это «сбрасывание». И непослушанием, и ранней склонностью к самоутверждению, а нередко и неоправданной резкостью, заостренной принципиальностью.

Не торопитесь примерять к себе то, как поступал в этом возрасте Владимир Ульянов. Чтобы иметь на это право, нужно, как это делал он, уметь честно признавать собственные ошибки и столь же энергично, как он, торопиться их исправлять.

Не будем пытаться представить Владимира Ульянова неким пай-мальчиком. Отнюдь! Но говоря о его самокритичности, не упустим из виду то, о чем многие из вас забывают в своей повседневной жизни. Суть в том, что именно искра сомнения и критика собственных поступков позволяют юному человеку сознавать и исправлять свои ошибки-заблуждения. Подобное на пользу не только вам, но также и окружающим, и позволяет приобрести меньше врагов и больше друзей. Это тем более ценно, что никому не дано развлекать самому по себе.

По-настоящему счастлив, безмерно счастлив (не в мещанском, конечно, смысле) тот, кому привелось родиться и воспитываться в дружной, умной, интеллигентной семье. Именно такой и была семья Ульяновых.

И потому не стоит удивляться, что

именно старшие сумели верно оценить поступки, свойственные Владимиру Ульянову в переходный период от отрочества к юности. Его иногда чрезмерную резкость поступков и суждений никто из родителей не расценивал как грубость. На этом зачастую даже не фиксировалось внимание. Резкость рассматривалась и как проявление самозащиты. Со временем «грубость» в такой обстановке просто отпадала. А самозащита превращалась в качество, столь необходимое именно для того, чтобы уметь отстаивать право посвоему видеть мир, действительность во всех их реальных проявлениях и неизбежных противоречиях.

В этой атмосфере у детей Марии Александровны и Ильи Николаевича рано возникла способность к самостоятельному мышлению, умение управлять собственным поведением. Вот что говорила по этому поводу Анна Ильинична о своем среднем брате:

«Я замечала в Володе еще в детские годы способность критически относиться к окружающему. Этот живой, шаловливый мальчик, который легко замечал смешные, слабые стороны других, который не прочь был подразнить, посмеяться, на деле замечал не только это. Он подмечал и хорошие стороны, и, непременно, чтобы прикинуть к себе: так ли он поступает, нет ли чего в поступках другого, что и он мог бы позаимствовать».

В детстве и отрочестве у Владимира Ульянова последнее проявилось в виде подражания старшему брату Александру. А тот преподавал Владимиру немало уроков и примеров трудолюбия, твердости воли, выдержанности, надежности, других качеств, столь необходимых для каждого, кто далек от своекорыстия и эгоизма.

Отсутствие в семье требования старших к младшим слепого себе повиновения избавляло последних от двоедушия — внешнего повиновения и внутреннего уклонения, защищало от лицемерия, лживости, пошлости, ничемных интересов.

Отринув подобное с малых лет, Владимир Ульянов с той поры всегда наполнял свои дела и дни нравственно содержательной жизнью. А она, как известно, заключалась не только в глубоком интересе к литературе, музыке, но и проявлении искреннего и глубокого интереса к судьбам народа. И это, не забудем, сопровождалось углубленными занятиями «обыденной» учебной. В отрочестве и ранней юности она проявлялась у Владимира неожиданным для многих увлечением таким «скучным» предметом, как латынь. Однако когда и это увлечение стало мешать занятиям по другим предметам, Владимир Ильич (имевший с отрочества огромную власть над собой), пресек его. Но он освоил этот «мертвый язык» настолько, что затем стал помогать старшей сестре и подготовил к экзаменам на аттестат зрелости учителя-чуваша Н. М. Охотникова.

При всей легкости усвоения знаний Владимир Ульянов чуждался дилетантизма — «роковой болезни» людей, ищущих легких путей и старающихся казаться теми, кем они в самом деле не являются. Все это было воспитано собственной волей и семьей, где его отлично понимали. Будь по-иному, юный человек его интеллекта, впечатлительности замкнулся бы в себе и пе-

ТНИК - ВОЛОДА УЛЬЯНОВ

решил трагедию неразделенных мыслей и чувств. Ничего подобного не произошло еще и потому, что в семье Ульяновых превыше всего ценили человеческое достоинство. Вполне естественно, что, воспитанный в таком духе, Владимир Ильич всю жизнь боролся против попрания человеческого достоинства. За этим он видел покушение на свободу, способность, права не только отдельных личностей, но и целых народов. Не поняв этого, нельзя глубоко понять Ленина.

При этом не забудем, что в гимназии Владимир Ульянов попадал в атмосферу двоедушия, там он учился бок о бок и с такими юнцами, для которых лгать и обманывать учителей считалось молодежеским, «гражданской доблестью». Хорошо известно, что людей двуличных Владимир Ильич презирал. Им доставалось от него, любившего и ценившего умную шутку и остроту. Но он никогда при этом не скатывался до грубости и пошлости.

Терпеть не мог В. И. Ленин и «хитростей» в отношениях между товарищами. Этого он, например, не простил даже Г. В. Плеханову, в которого, по собственному признанию, был влюблен. Но когда тот в отношении к товарищам пустил «шахматный ход», ленинский вывод был весьма четким и категоричным: «Тут же нечего сомневаться, что этот человек нехороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия».

В пору отрочества и юности Владимира Ульянова в среде молодежи в ходу была показная, крикливая «нигилистичина». Появились «личности» в темных (без всякой на то нужды) очках, в широкополых шляпах, завернутые в клетчатые пледы. Так, как правило, наряжались те, кто не имел убеждений и «не держался принципов» — любители «баловства» и «скабрзностей». Безусловно, с такими «господами» Владимиру Ульянову было не по пути. Зато всю жизнь он искал единомышленников. Правда, в конце 80-х годов прошлого века, в пору ранней юности Ленина, их было крайне мало. Особенно выделялся юный Николай Федосеев. Он, как и Владимир Ильич, жил тогда в Казани. Встретиться им не привелось, хотя Владимир Ильич и был знаком с участниками федосеевских кружков марксистского направления. Николай был на год моложе Владимира Ульянова. В одном из писем той поры Н. Федосеев признавался, что в Казани пережил в своем развитии «период страшного душевного кризиса, когда надо было во что бы то ни стало выработать взгляды, а выработка эта не давалась (ой, как трудно достается выработка убеждений)». Да и Владимир Ильич «подошел к Марксу, как человек, ищущий ответов на мучительные, настоятельные вопросы». А появились они у Владимира Ульянова задолго до приезда в Казань.

Увы, некоторые авторы современных работ о юном Ленине этого не учли. Так, в книге А. Ф. Костина «Восхождение» читателя уверяют, что «разрыв Владимира Ильича с религией произошел сравнительно легко».

А вот что по тому же поводу сказал (в пору сибирской ссылки) сам В. И. Ленин своему близкому другу Г. М. Кржижановскому:

«...В индивидуальном развитии отдельных людей можно наблюдать весь

ма часто революционные сдвиги в их интеллекте. Преисполненная внутренних противоречий общественная среда не может гарантировать индивидууму безмятежное движение к его духовному расцвету. Скорее, наоборот, высокоодаренный и динамически крепкий интеллект быстрее трансформирует «количество в качество», нередко переживая при этом мучительные моменты — «скачки кризисов».

Владимир Ильич говорил о себе, что ему самому пришлось переживать такой критический период в самой ранней юности, в одном из предпоследних классов гимназии. Этот кризис юных дней Владимира Ильича сопровождался резким разрывом с религией».

К тому же Ленин стал (как он сам отметил в одной из партийных анкет) неверующим «с 16 лет», т. е. в гораздо более юном возрасте, чем, например, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, Н. А. Добролюбов.

Таков был решительный ответ на один из мучительных вопросов: «Во что верить?» Поиск его велся и глубоко, и исподволь. О том свидетельствует и помета, оставленная пятнадцатилетним Владимиром Ульяновым на конверте письма брата Александра (от 20 сентября 1885 года): «NB Выдержать экзамен из богословия».

Сколько этих «нота бене» («заметь хорошо».— Лат.) появится затем на полях рукописей В. И. Ленина, прочитанных им книг, брошюр, журналов, на страницах газет. Но приведенное выше — первое из дошедших до нас. Оно свидетельствует о том, что сдача экзамена по нелюбимому предмету стоила Володе усилий над собой. В ином случае при его блестящих способностях отдавать себе подобный приказ никакой необходимости не было.

Володя Ульянов стал атеистом в ту юную пору, когда богоотступничество жестоко каралось. Это требовало решимости, большого мужества и несгибаемой воли. Но при этом, как писала Н. К. Крупская в своих ответах на анкету Института мозга, Владимир Ильич «копание и мучительнейший самоанализ в душе ненавидел».

Привожу эти слова в назидание юным людям, впечатлительным, с довольно развитыми нравственными чувствами, которые, зачастую сгибаясь под тяжестью сложностей жизни, прибегают как раз к «самоедству». Или, что хуже всего, склоняют голову перед силой и условностями обстоятельств.

Эти молодые люди могут возразить: «Разве можно сравнивать нас, людей обыкновенных, с гением?»

Но, во-первых, и В. И. Ленину ничто человеческое не было чуждо. Во-вторых, не надо его канонизировать. Помните, он сам говорил своему другу Г. М. Кржижановскому, что именно высокоодаренные люди гораздо острее, мучительней переживают противоречия общественной среды.

Юный Владимир Ильич довольно рано понял: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

Познавая Ленина и тем самым познавая самих себя, не будем забывать, сколько тяжких, трагических испытаний выпало Владимиру Ильичу только в 1886—1887 годах. Преждевременная смерть отца, через год с небольшим — казнь старшего брата-революционера,

в том же, 1887 году, собственный первый арест за участие в студенческой сходке-демонстрации, высылка из Казани. Еще через восемь лет — второй арест и ссылка в Сибирь.

К этому добавим, что после смерти отца и казни брата, в самый ответственный период формирования мировоззрения — на переходе от отрочества к юности — Владимир Ульянов не только сам лишился столь необходимого в такую пору мужского влияния, но волею судеб стал старшим мужчиной в доме, опорой матери, сестрам и младшему брату.

Другой при таком стечении обстоятельств способен был бы потерять веру в себя, в собственные силы, отказаться от того, что требовало неимоверной затраты душевной энергии, мужества.

А ведь собственные таланты, знания,

причастность к дворянскому сословию позволяли Владимиру Ульянову избежать «житейских бурь». Но это ни в коем случае не могло стать его уделом, уделом человека, воспитанного в духе верности делу, которому он решил посвятить всего себя без остатка!

Выбор дела, выбор пути были сделаны благодаря осознанному отношению к жизни, ответственности перед народом. Этим В. И. Ленин еще в юности определил весь свой дальнейший жизненный путь.

«Большое счастье выпадает на долю тех людей,— говорил о В. И. Ленине А. В. Луначарский,— которые еще в ранней молодости находят самих себя... Не в этом ли заключается главная удача жизни? Если это так, то такая удача выпала на долю Владимира Ильича в полной мере».

Григорий ХАИТ

Фото Анатолия Жмулюкина

Пишу вам как председателю Советского детского фонда. Детские страдания — самые безвинные, самые вопиющие. Сломленные, заброшенные дети — это больные в будущем люди, источник несчастий и для других. И надо, чтобы этого не было, если мы хотим называться обществом гуманным. Надо растить этих детей полноценными гражданами, а их так называемых родителей наказывать морально и материально. И если нужны для этого люди, желающие работать в детском доме, прошу располагать и мной. Я, Чуликова Мария Александровна, 42 лет, инженер, одинокая. Я русская, родилась в 1945 году в Москве. Там жила, училась. Сравнительно давно живу на Украине, но если где-нибудь создается новая школа-интернат и есть жильё для воспитателей, сообщите, пожалуйста.

В своей жизни я ощутила безразличие родных, их произвол и свою в прошлом беспомощность и незащищённость. Мне помогали чужие люди. Я почувствовала на себе, как нужна чья-то помощь. Эти люди не дали мне погибнуть.

М. ЧУЛИКОВА,
Винница

В последнее время радио, газеты и телевидение все чаще стали сообщать о жизни детей-сирот в домах ребенка, в детских домах, в школах-интернатах. И, как правило, все это вызывает сочувствие у нормальных людей и в нормальных семьях. Да, наше общество очень отзывчивое, люди у нас добры и мягки. Никогда не откажутся от помощи детям, семьям, если их постигло несчастье.

Но вправе ли мы вкладывать большие средства в воспитание психически больных, дефективных детей, родители которых являются «болячкой» на теле общества? Ведь это делается за счет нормальных детей, матери которых хотят работать, а яслей и садиков не хватает?

Почему же матерей-кукушек и отцов-пыльниц государство освобождает от оплаты содержания их детей в государственных детских учреждениях? Почему их безответственность, безобразия, можно сказать, преступное поведение остаются почти безнаказанными, а все расходы ложатся на плечи нормальных тружеников?

Как считают врачи-психиатры, большой процент детей из детских домов не может быть рекомендован для усыновления, следовательно, они не пополнят нормальные рабочие коллективы. А в какие же миллионы они обходятся государству!

Почему окончившего институт специалиста или военного можно распределить в любой район с трудными условиями жизни, и они едут? Потому что они — люди долга, граждане своей страны. А пьяницу, тунеядца, наркомана, проститутку нужно длительное время лечить, уговаривать, а они после лечения, как правило, принимаются за свое. Почему их отправляют на 101-й километр, а не куда-нибудь на Шпицберген и в другие места, где еще тяжело работать? Зарабатывают там много. Вот пусть и оплачивают содержание своих детей в детских домах.

Все эти средства должны идти в Детский фонд имени В. И. Ленина или на личный счет брошенного ребенка, открытый в сберкассе службой опеки. Такие родители ни в коем случае не должны рассчитывать на алименты от детей.

СЕМУШКИНА,
Москва

В моем понимании Советский детский фонд имени В. И. Ленина — именно та организация, которая должна ломать всевозможные ведомственные барьеры во имя воспитания настоящих людей. Я полагаю, сейчас ни один уважающий себя педагог не будет отрицать необходимости перестройки трудового воспитания школьников. Всем известно, на каком уровне во многих школах сейчас находится так называемый «производительный» труд. Я думаю, что нельзя закрывать глаза на эту общую проблему школы, и в то же время я хочу сказать о конкретной нашей беде.

Как-то «Комсомолка» опубликовала статью «Спасите «Чайку». Похоже, его нынешнее положение еще более гибельно, чем до публикации статьи. Думаю, вы согласитесь, что опыт «Чайки» уникален и его необходимо не просто беречь, а развивать и вширь, и вглубь. Не знаю, как это развитие видит директор «Чайки» и его ближайшие сподвижники, а я бы предложила создать сеть таких самофинансируемых заводов в больших городах, но под эгидой не промышленных министерств, для которых главное — план, а Министерства просвещения, возможно, Детского фонда, и главной задачей сделать воспитание (воспитание не только трудом, но и организацией труда, и результатами труда). Единственной поблажкой для этих заводов пусть будет первоочередная поставка от смежников. Где же наш лозунг «Все лучшее — детям»?

А шаткое положение «Чайки» усугубляется непониманием со стороны райкома партии, который забывает, что «Чайка» — производственная, а не просто обучающая школьников единица, и у нее есть план, который нельзя не выполнить. Не знаю всех тонкостей конфликта, но дело это нельзя пускать на самотек, необходимо, чтобы в нем разобралась сторона, защищающая детей. Сможет ли Детский фонд заняться конкретными бедами «Чайки» и общей проблемой трудового воспитания школьников?

Между прочим, разрешение материальных трудностей детдомов и школ-интернатов я вижу не в увеличении государственных дотаций, хотя и это необходимо, а в создании возможностей для превращения этих домов в хозрасчетные комплексы, как это сделано у Католикова.

Т. Ф. ЛЯХОВА,
г. Калинин

Я прочитала вашу книгу «Драматическая педагогика». Вы правильно отвечаете на письмо, которое озаглавили «Комплекс робости, или Письмо о поиске самого себя».

Мой отец погиб на войне, а мать уехала на Север, когда мне было три года, оставив меня с бабушкой, своей теткой. Когда мне исполнилось семь лет, бабушка сказала, что мать второй раз вышла замуж и теперь не вспомнит обо мне. Я приняла это известие спокойно, словно объявление, что магазин закрыт на ремонт. Но мать и отчим приехали и «раздавили» меня своей изысканной вежливостью и равнодушием. Отчим с насмешкой сказал: «Я бы удочерил тебя, но для чего терять отцовскую пенсию! Если хочешь, поедem в Москву, к бабушке!» Я поняла, что надо отказаться, но чувствовала себя растерянной, запуганной еще и потому, что бабушка и две тети, сестры матери, молчали. Через несколько дней родители увезли меня в Москву, где жили мать и сестра отчима. Они

«Из почты главного редактора» — эта рубрика сравнительно недавно появилась на наших страницах. Появилась потому, что все чаще и чаще в редакцию стали приходить письма — страстные, горькие, кричащие о беде, взывающие к справедливости, — и все они были обращены к человеку, посвятившему «Смене» почти двадцать один год своей жизни. Да, именно столько — 21 год! — теснейшим образом был связан со «Сменой» Альберт Лиханов — еще совсем недавно главный редактор нашего журнала, а теперь — председатель правления Советского детского фонда имени В. И. Ленина.

Он много, очень много сделал для «Смены» — и как главный редактор, и как человек, у которого есть чему поучиться, есть что перенять, — это при нем в «Смене» выросло и воспиталось поколение журналистов, сумевших раскрыть свой талант, найти свою тему, без чего вообще невозможна наша работа, и сделавших журнал таким, какой он есть сегодня.

Многое, очень многое исходило от главного редактора журнала. А он любит повторять: мало увидеть, осмыслить, написать — надо постараться сделать. Так что, трезво оценивая пройденное и выделяя главное, пожалуй, без предвзятости и самолюбования, «Смена» может смело сказать, что ее отличало дело. И мы гордимся, что идея создания Советского детского фонда имени В. И. Ленина родилась в стенах именно нашей редакции — как дело, за которое боролся ее главный редактор и весь коллектив.

Нам, его коллегам, на протяжении двадцати лет совместной работы никогда не случалось видеть его растерянным, не знаящим, как поступить в ситуации, если в редакцию вдруг пришло тревожное письмо, — нет, не письмо, а крик о помощи, когда нужно срочно вмешаться, откликнуться на чужую боль, и прежде всего если это боль маленького человека — ребенка или подростка.

А началось все тогда, когда Альберт Лиханов впервые — может, это было десять, а может, пятнадцать лет назад — выступил со страстным публицистическим словом в защиту детства. И люди сразу поняли, что писатель, который об этом говорит, — человек взволнованный, человек с встревоженной душой, с взбудораженной совестью, а то, о чем он говорит, задает какую-то очень важную струну нашей общественной и нравственной жизни, пробуждает в людях человеческие эмоции,

искры жизни и желание что-то делать для того, чтобы не было брошенных детей, чтобы не было несчастных жен, преданных их непутевыми мужьями.

Сам Альберт Анатольевич Лиханов «болен» темой сиротства больше четверти века. Свидетельств тому более чем достаточно: это и статьи журналиста, начинавшего много лет назад в Кирове, и повести «Благие намерения», «Последние холода» и публицистика, напечатанная не только на наших страницах, но и в «Правде», «Известиях», «Литературке», «толстых» и «тонких» журналах и сложившаяся в книги «Драматическая педагогика» и «Дети без родителей».

Столько дельного, педагогически ценного, житейски мудрого, сколько Альберт Лиханов написал о детстве, о подростках, которые лишены — как то даже странно говорить об этом в наше время — нормального детства, столько сегодня, наверное, не написал об этом ни один журналист, ни один писатель.

Между прочим, еще совсем недавно бытовало мнение, что писатель, поднимая ту или иную проблему — хоть экономическую, хоть нравственную, — не обязан предлагать ее решение. Его задачей считалось поставить, обозначить эту проблему. Но вот в последнее время мы стали свидетелями того, как изменилось, куда-то ушло это мнение, потому что сегодня писатель, приближаясь к жанру публицистики, смело вторгается в самую гущу жизни, в самые конкретные экономические и социальные вопросы, волнующие людей.

Для Альберта Лиханова такой проблематикой, притянувшей к себе, захватившей его всего целиком, стала педагогика, причем та ее часть, которая прежде всего обращена к воспитанию нравственного мира подростков.

В своих повестях и романах он пишет о детстве, становясь его защитником, стремясь к тому, чтобы мир перестал быть для юного человека серым, чужим, чтобы у него появилась вера в себя, надежда на то, что можно что-то исправить в его собственной жизни и жить иначе. Он убежденный и ясный хранитель детства и пишет об этом так, чтобы у юного человека, вступающего в жизнь, появилась любовь к людям, чувство ответственности за свои поступки, способность к самостоятельным решениям, стремление к правде, к нравственному максимализму.

Между прочим, сегодня, чтобы серьезно вторгаться в большие проблемы нашего общества, чтобы иметь возможность предложить пути их решения, пи-

оставили у них еще двоих своих детей, а сами опять уехали на Север. Я год проучилась там, и приехала та бабушка, тетка матери, она хотела, чтобы я жила с нею. Опять услышала разговоры, что я ей не нужна, что она это делает лишь из-за денег, и опять все молчали. Целый месяц ждала, когда заговорят: поругают, приласкают, но все молчали. И после этого я почувствовала себя совсем раздавленной. Вот вы правильно приводите формулу Сухомлинского: «Из эмоционального разоружения рождается очень опасный моральный порок — бессилие, чувство собственной никчемности». С семи лет я находилась в постоянной психическом напряжении, потому что не знала, как отреагировать на отрицательное воздействие. Уступала, повторяла взрослых, то есть молчала, а чувства выражала внешним видом, нарочно плохо вела себя (хотела, чтобы пожалели свои, чтобы другие обратили внимание и наказали их), но никто не замечал. Не знала, какое принять решение, как сформулировать его, и поэтому создавала иллюзию самообмана, чтобы снять напряжение, — сама себе «напевала» слова, какие говорят в книгах, в кино, по радио — вот если б мне это

сказали, я бы сделала! Ну, теперь сама знаю, что иллюзия самообмана — это аргументы слабовольного или то же самое, что алколизм и наркомания. Дистресс неудач и огорчений особенно вреден — он уже вызывает физиологические заболевания, как и употребление алкоголя и наркотиками. Поэтому в 22 года у меня появился психоз на нервной почве, развилась эпилепсия. Была конференция, был поставлен диагноз, но врачи со мной не разговаривали о болезни. Потом тайком прочитала диагноз: «Глубоко патологическое развитие личности на неорганически неспособной почве, при наличии эпилептикоформного синдрома». Но лишь теперь сама рассказываю врачу, что у меня за болезнь, почему такой диагноз. А все дело в том, что, как вы пишете, всегда не хватало поступка. В 84-м году, когда мне было 39 лет, получила квартиру за выездом, в которой не был сделан ремонт, и мне хотелось работать дворником по совместительству в этом ЖКО, и уж тут, на практических делах, поняла, как наивно, по-детски рассуждаю, веду себя. «Взрослая жизнь неумолимо требует самостоятельности». «Лишь осознанная необходимость дает ощущение сво-

сателю, как и любому человеку, мало быть просто в самой гуще нашей жизни. Нужна, разумеется, — и мы ощущаем это сегодня каждый день — прежде всего смелость мысли, да и просто смелость, которая не каждому дана.

Альберту Лиханову она, к счастью, дана.

И потому он бескомпромиссно, беспощадно борется со всяческой скверной, оскорбляющей наше бытие, — проявлениями торгашества, лицемерия, нравственной нечистоплотности, мещанской жадности.

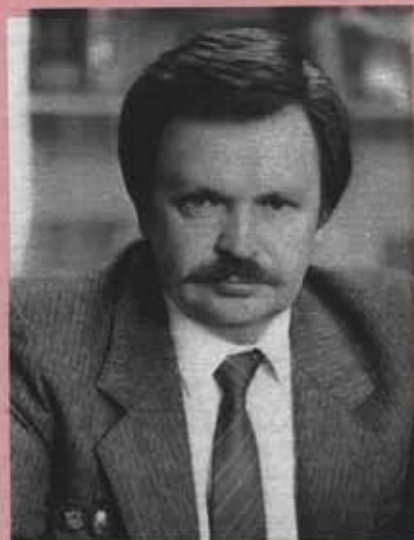
Борется за то, чтобы из нашей жизни, из нашего общества навсегда ушло все то низкое, мерзкое, подлое, что еще совсем недавно унижало и оскорбляло человеческое достоинство.

В этой борьбе все слышнее и слышнее, а зачастую и просто во весь голос говорит свое слово совесть — простая человеческая совесть. Она помогает ему, как писателю, создавать такие произведения, которые идут вровень со временем, а, может быть, даже и опережают его, остро ставят назревшие жизненные проблемы и предлагают конкретные пути их решения.

В русском языке много правильных, хороших слов. И мы любим часто их произносить. Но как важно, чтобы эти наши слова подкреплялись бы еще и поступками, живыми делами.

Альберт Лиханов много написал о детстве, много сказал важных, тревожных слов о воспитании, о том, что необходимо сегодня сделать для правильного развития подрастающего поколения. Но для него это было бы слишком мало, если бы он остановился только на том, что сказал. Он сделал больше. Он стал добиваться создания организации, которая бы всем своим существом, всей своей мощью, своим именем защитила детство. И такая организация была недавно создана — Советский детский фонд имени В. И. Ленина.

Мы, коллеги Альберта Лиханова, были свидетелями того, сколько своих собственных сил, нервов, энергии, эмоций вложил он сначала в идею возрождения в нашей стране Советского детского фонда имени В. И. Ленина, а затем и в само образование его. Когда эта поистине гигантская подготовительная работа развивалась и разливалась по стране, набирая все большие темпы, он не раз говорил нам, что сам лично, как человек, занимается этой работой прежде всего потому, что время, в котором мы живем, курс перестройки и обновления нравственного самочувствия общества требуют от

каждого из нас резкого повышения нравственных критериев во всех сферах жизни и общественной деятельности.

И вот уже несколько месяцев, как он работает на посту председателя правления Советского детского фонда имени В. И. Ленина, а письма, адресованные, как и раньше, «главному редактору Альберту Лиханову», идут и идут в наш журнал. Письма, обращенные к человеку, который, как следует из их содержания, «умеет понять, приободрит, вмешаться в чью-то судьбу и заступиться».

Прочитав сегодня часть этих писем на наших страницах, вы заметите, что они имеют одну очень важную особенность: письма эти отличаются какой-то доверительной тональностью, вызывая нас с вами на откровенный, обоюдострый разговор по самым животрепещущим проблемам нашей жизни — будь то проблема охраны окружающей среды или проблема детства, вопросы педагогики или воспитания трудных подростков, оказавшихся за бортом общества, проблемы нашей культуры или быта. И еще вот что важно отметить: все письма написаны открыто, честно, в духе становящейся знаменем времени требовательной; ответственной гласности.

И потому, печатая эти письма, мы не будем их сегодня комментировать или оценивать. Давайте будем просто учиться удивляться жизни, чередой ее радостных и печальных прозрений.

боды». Поняла, что для того, чтобы не вести себя, как ненормальная, чтобы не было припадков, надо отказаться от прежних желаний, потому что так не бывает: «Лишь дураки ждут, что кто-то сделает их жизнь лучше». Поняла, что нужно по-новому мыслить, выработать новую систему поведения. И вы правильно пишете, что нужно расстаться с детством, со своими болячками, и тогда не будет боли. Я это уже почувствовала. Но, конечно, для этого немало пришлось сделать поступков! Теперь живу одна в своей квартире, на работе все хорошо, и сваливать вину не на кого! Но комплекс робости, неполноценности еще велик! Вы правильно пишете, что это инфантилизм, и он у меня был в смеси с прагматизмом. Разумеется, пришлось расплачиваться за то, что повторяла родственникам, а не была сама собой. Ну, как можно выйти из этого замкнутого круга? Начала убеждать себя: да что ты, не веришь классикам, ученым, великим людям, что говорят в книгах, а тебе все хочется, чтобы кто-то живой сказал это! Родителям, врачам было наплевать на тебя, они лишь делали тебя ненормальной, а тебе тоже наплевать на себя? Не хочешь стать здоровой? И вы хорошо

убеждаете, что только со слова «сам» и начинается настоящая личность, и правильно пишете, что, солгав или промолчав в микроскопическом проступке ранней поры своей жизни, человек уже совершает акт, формирующий его как личность. Я потом много раз проклинала себя за то, что промолчала в семь лет, уехала с родителями! Ведь потом опять всегда «не хватало сил» совершить поступок, хотя и знала, что надо. А позже и «перестала знать», это превратилось в привычку. Теперь надо научиться смотреть на мир с иного аспекта: не проводить аналогии между родственниками и другими людьми. И уж тут действительно нечего ждать уроков от живых людей, а надо побольше читать. Ведь хорошо пишут в книгах: «Она выросла в семье, где сдержанность считалась добродетелью, а душу умели отдавать, а не открывать». Не знаю только, когда стану взрослой, — ведь хорошее — это высота, и надо быть альпинистом, чтобы взобраться на нее. А я еще чересчур боюсь людей, и для поступка нужно рассудочное поведение, обдуманность действий, к чему совсем не привыкла раньше. И вы пишете, что нужна трезвость, взвешенность поступков. Вот трезвые

рассуждения... Их всегда не хватало. А может быть, просто плохо искала? Просто казались чересчур трудными? Шагнула из детства в жизнь, но еще столько надо сделать шагов! Но, конечно, это моя работа, а вы правильно советуете, правильно считаете, что пропадет боль!

Всего хорошего.

Татьяна З.

У меня на руках совершенно беспомощная, парализованная пятилетняя дочь. Как это нередко случается, больных детей матери растят одни, так и я тоже совершенно одна. Но я не жалею, прилагаю все силы, чтобы моей дочке было легче.

Прошу вас помочь мне приобрести такую колясочку, с помощью которой дочка могла бы передвигаться, находясь в полулежащем состоянии. Такие коляски изготавливают в Киеве на авиапредприятии МГА и на других заводах. Сама я уже обращалась и на эти заводы, и в Минздрав, но с заводов ответили, что «не имеют возможности», а Минздрав просто отписался. В результате у меня уже нет возможности с ребенком даже погулять, так как на руках я ее удерживать просто не в силах.

Пожалуйста, отнеситесь к моей просьбе чисто по-человечески, помогите.

ВОРОБЬЕВА

Раиса Николаевна,
Кисловодск.

Примите мою благодарность гражданки и читательницы, которая очень любит детей. Вы добились самого главного: разрешения говорить открыто о благотворительности и милосердии. Уверена, теперь пойдут дела. Хотела бы только особо сказать вот о ком: о малолетних преступниках, детях-заключенных, обездоленных уже не дважды (потерей родителей, тяжким детдомовским детством), а трижды — еще и колонией в подростковый период, когда организм только начинает созревать... На заседании телевизионного «круглого стола» «Пусть наша доброта не минует их» говорилось обо всем, словно мысли наши читались. Убило меня другое: представитель МВД сказал: «Некогда воспитывать, успеваем только карать». Это на мое семидесятилетнее сердце легло камнем. Разве виноват ребенок, что он брошенный? В больницах с ними до трех лет некому поговорить, затем детдом — опять мало воспитателей, нет надзора. Ребенок ничем не защищен, вот и проникает в душу раньше всего мерзкое и грязное. А. А. Катюков, директор детдома, говорил, что уже трехлетки к нему поступают «комочками зла», которые трудно оттаивают. Уже нет у ребенка веры в справедливость. Он живет в мире, где есть только обиды и обвинения. Недоразвитый, лишенный наставника, хорошего друга, попадает под влияние старших и худших, а потом — колония! Загоняют не на месяцы — на годы! Подумайте только! За что? За то, что никто не растил, не воспитывал — ни в школе, ни в детдоме, ни в семье. Если «закоренелый маленький негодяй», излюбленный, вступивший в конфликт с администрацией, не поддается внушению, он должен получать отдельную консультацию, ему нужно продемонстрировать фильм о детских колониях, выписать путевку-командировку туда хотя бы на одну-две недели, что

бы он САМ ВСЕ УВИДЕЛ. Это будет профилактика!

Ребенок попадает в колонию, где, кроме законного наказания, часто несправедливого особенно для сирот, есть еще десятки наказаний, измышленных «воспитателями». Страшно вот это, незаконное, — оскорбления, глумление, втаптывание в грязь детской души. Мальчишкам законно выдают махорку, все они «смолят», все запуганы, забиты, неверие в справедливость разъедает души. Еще не окрепшие убеждения, уродуются. Они должны перевоспитываться, чтобы выйти в жизнь для работы, для счастья, а выходят с испорченным зрением, большими желудками, застуженными суставами, погубленными зубами. Куда они годны? В детдоме не развивались, недодали, мерзлы, в колонии потеряли здоровье. А ведь парни должны быть солдатами, мужьями, отцами! Многие родители — мошенники, воры, спекулянты, фарцовщики — от больших денег шалеют, сами портят детей. Совершив преступление, их часто отбывает на Север, а родители осужденного должны во все время его заключения забыть о своих радостях, должны платить за содержание ребенка в исправительном заведении, и платить немало, чтобы обеспечить его обувью и бельем, нормальной пищей, оплачивать воспитателей, которые будут переделывать за ними, родителями, их негодную работу — плохое воспитание. Почаще бы папы и мамы отрывались от своих дел, почаще бы стремились побыть с чадом, понять его, может, и литературу о воспитании стали бы почитать. Все это рассказала мне молодая женщина-врач, работавшая в детском исправительном учреждении.

Чего хотелось бы лично мне? Получить разрешение на милосердие! Списать с детской колонии, с сиротами, посылать им без ограничения предметы гигиены, хотя бы аптечные витамины, теплые вещи, посылки с продуктами. Посылать не одному, а сразу на пятнадцать—двадцать сирот, ничего не получающих.

Вера ДРОЗДОВА,
г. Куйбышев

Хочу рассказать об особой категории детей в нашем обществе, которым срочно надо помочь.

Общезвестно, что исправительные колонии служат «университетами» для изолированных от общества несовершеннолетних и только-только достигших совершеннолетия. Тут они получают «высшее уголовное образование». Легенды и мифы уголовного преступного мира весьма доверчиво воспринимаются подростками, тем более что они подкрепляются особым укладом жизни. Этот особый уклад поощряется и насаждается, помимо самих уголовников, и администрацией, так как при этом устанавливается хоть и ненормальный в моральном плане, но — порядок.

В детской колонии воспитатели внушают подростку, как надо себя вести, как надо жить, чтобы перевоспитаться и досрочно выйти на волю. Эти воспитательные меры хороши для ребят с малым сроком наказания, тихих и покорных. Намного сложнее обстоит дело с теми, кто получил большой срок наказания.

Отбывая срок, эти дети неоднократно становятся свидетелями того, как за различные проступки их товарищей, достигших совершеннолетия, отправляют в колонию для взрослых. Потом по различным каналам до них доходят сведения о том, как встретили их взрослые уголовники. Узнают, что гоне-

ниям и презрению подвергаются те ребята, которые пытались исправиться так искренне, что даже помогли администрации детской колонии управлять коллективом, являлись членами совета, носили отличительные красные повязки. Но вот не выполнено какое-то требование начальства, завязался конфликт с воспитателем, допущено нарушение режима (или спровоцировано воспитателем в наказание за непослушание), и парень брошен к взрослым уголовникам. Эти наглядные примеры диктуют ребятам с большим сроком наказания особый стиль жизни и поведения в детской колонии. Следовательно, в детской колонии надо жить так, чтобы не пришлось потом нести «ответ» за это в колонии для взрослых.

Именно поэтому самостоятельные, умные подростки, являющиеся неформальными лидерами среди ребят, отказываются брать на себя общественные поручения. Воспитатели, после неоднократных попыток сделать их формальными лидерами, использовать их авторитет в коллективе, обычно оказываются в конфликтной ситуации с этими ребятами, начинают угрожать им переводом во взрослую колонию. Неформальный лидер озлобляется, намеренно совершает нарушение режима или пишет «добровольное» заявление с просьбой перевести его во взрослую зону. Таким образом, получается, что воспитатели подталкивают его в омут жизни в уголовной среде, из которого не всякий и взрослый может выбраться без потерь.

Предлагаю принять такой закон, при котором несовершеннолетние правонарушители ни при каких обстоятельствах не попадут в колонию для взрослых, каким бы большим ни был для них срок наказания. Тогда исчезнет страх перед взрослыми уголовниками. И воспитатели с большей ответственностью будут работать с неформальными лидерами коллектива, так как их некуда будет спихнуть. А пока общество пассивно отдаст своих детей на выучку уголовникам. Причем таких детей, которые часто являются неординарными личностями. Они, в свою очередь, вовлекают в преступную среду новое поколение детей.

Кроме того, предлагаю пересмотреть сроки наказаний, назначаемые несовершеннолетним. Если первые год-два подросток воспринимает изоляцию от общества как наказание, то потом наступают усталость и озлобление. Детская психика не выдерживает пресса жестокости. Разумнее было бы помещать правонарушителей в детскую колонию с единственной перспективой выхода из нее — на свободу или на службу в ряды Советской Армии по достижении восемнадцати лет. Ведь и сейчас в Советской Армии сколько угодно ребят, которые по счастливой случайности не попали в колонию или избежали наказания благодаря усилиям родителей. Они нормально служат, обычно полностью избавляются от «романтики» уголовного преступного мира, к которому раньше тянулись.

То, что наши дети — НАШИ ДЕТИ!!! — находятся в колонии, — это не только их беда, это и беда, и вина нашего общества, не сумевшего обеспечить правильное воспитание детей, особенно из неблагополучных семей, детей-сирот. И не надо отталкивать от нормальной жизни этих ребят, от службы в армии. Отвратительны чистоплюйство, желание взрослых не замараться о своих же детей. Вглядитесь внимательно в трагедию 14—15-летних подростков, наказанных, к примеру, за соучастие в грабеже, разбое. Чаще всего они даже не догадывались, что в их присутствии произойдет преступление, совершаемое кем-либо из старших друзей. Но следователь ему уже и разговор доказал, и соучастниками всех, за кого некому похлопотать, сделал.

Уж если взрослые люди, как уже многократно показано на страницах печати, не выдерживали давления следствия, то что говорить о детях. Вот и отбывают несмысленные «соучастни-

ки» по 5—6 лет в колониях. Хотя единственное их преступление состояло в том, что они оказались в плохой компании.

Пишу с великой надеждой, что на проблему несовершеннолетних преступников будет, наконец, обращено должное внимание. Ведь умел же Макаренко перевоспитывать воров, бандитов не за высоким забором с решеткой и проволокой. Почему же мы загоняем детей за колючую проволоку, без зелени, без цветов, одеваем их в черную одежду? Ведь даже этот черный цвет формирует определенную направленность развивающейся психики детей.

Все наши дети, даже заблудшие, оступившиеся, имеют право на счастливое детство. А за их грехи ответственно общество. Пора, наконец, понять это.

О себе. Вместе с мужем была осуждена. Три месяца сидела в одиночном карцере. Об уголовниках знаем не понаслышке, сидели в колониях. За это время сын попал в плохую компанию. В пятнадцатилетнем возрасте оказался «соучастником» разбоя и получил шесть лет. Месяц находился в тюрьме перед отправкой в зону. Мне не дали свидания с ним, так как он устроил драку в камере, не желая подчиниться унижению, и был жестоко избит.

В детской колонии очень хорошие учителя и воспитатели. Но общие недостатки системы воспитания детей в колониях, о которых я написала, могут оказаться причиной того, что мой сын и другие дети не вернутся в общество нормальных людей. Каждые два месяца езжу к сыну, и в последний раз потряс рассказ воспитателя о мальчике, которому осталось четыре дня до освобождения. Его выпустили на работу за зону, а он ушел домой, к маме. На суде не мог объяснить причины побега. Получил еще два года лишения свободы.

Нужна перестройка в подходе к воспитанию детей, попавших в плохие компании, совершивших правонарушения. Надо быть милосердными к нашим детям. Только так можно спасти их от непосильных травм на всю жизнь. Можно принять множество законов о праве на труд каждого гражданина нашей страны, но любой бывший зэк расскажет горькую историю устройства на работу, косых взглядов «чистеньких», прописки. Давайте избавим от этих травм подростков. Пусть они вернутся из армии, забыв о том страшном, что пережили в своем несчастливом детстве. Пусть им будет открыта дорога к труду, в техникум, в институт.

Женисгуль САЗАНБАЕВА,
г. Джамбул

Очень нужным делом вы сейчас занимаетесь, дети нуждаются в нашей защите. Все усилия направлены на улучшение условий жизни детей, на поправку юридических законов в отношении детей, брошенных в родильных домах, младенцев, вынужденных «жить» в больницах в ожидании места в детских домах. Много органы юстиции занимают отцами, которые ушли из семьи и не утруждают себя воспитанием детей. А вот как быть с женщинами, которые хотят красивой, «бальзаковской» жизни, которым в тягость семейная жизнь и ребенок?

У нас в семье трагедия. Почти год бывшая сноха не общается с ребенком. Недавно, встретившись с дочкой, прошла буквально в метре от нее, не заметив. Даже инстинкт самки, извините, не сработал. Всем рассказывает, что у нее «нет материнских чувств, жалости, ничего нет к ребенку». Эта «мать» имеет высшее образование. Материально в воспитании тоже не принимает участия. А отец очень любит дочку. У ребенка есть все, даже мама — сестра отца.

Плохо, что мать-кукушка имеет право на не нужного ей ребенка и нет сроков, ограничивающих это право.

Знаете ли вы о таких бедах? Нужны, на мой взгляд, соответствующие законы, лишаящие таких женщин звания матери.

А. В. Л-на,
Волгоградская область

Моя мама, Глинкина Людмила Александровна, многодетная мать, у нее, кроме меня (мне девятнадцать лет), еще четыре дочери: шестнадцати, четырнадцати, девяти и трех лет. С интересом следили мы за созданием Советского детского фонда, за выступлениями многодетных матерей. Прочитали в газете выступление многодетной матери Иордан из Ленинграда, которая рассказала, как ей оказывают материальную помощь. Я думала, что только моей маме так «помогают». Мама уже с марта 1987 года ждет, когда ей окажут помощь, и, наверное, не дожидается. Во многих фильмах рассказывается о многодетных семьях, о том, как они хорошо живут, как им помогают, а я не верю. Все это сказки. Вот маленький пример. Пойдет моя мама в магазин, выстоит огромную очередь, чтобы получить полкило колбасы на 6 человек (я себя не считаю), а рядом женщина только для себя покупает тоже полкило. Сейчас все говорят о том, что у нас низкая рождаемость, а скажите, будут ли у меня много детей, если я вижу, какая тяжкая жизнь у моей мамы? Ни за что и никогда!

Сейчас, правда, открылся промтоварный магазин «Семья» в Миассе, и мы там стоим на учете. А как быть с продуктами? Мясо в магазине по 4 р. 50 к., на базаре по 5 рублей килограмм.

Я вас очень прошу — напишите мне, как жить?

Татьяна ГЛИНКИНА,
станция Хребет
Челябинской области

Хочется обратить ваше внимание на детей с пораженным слухом в результате применения антибиотиков. В справочнике об охране детства говорится о запрещении этим детям посещать обычные детские учреждения. Но в печати приводились примеры успешного обучения глухих детей в нормальной школе. Может быть, пора говорить о принятии постановления, разрешающего обучаться слабо слышащим детям в такой школе? В Югославии, например, при соответствующей первоначальной подготовке глухие дети не подлежат изоляции и обучаются в обычной школе, тем самым приспособляются к окружающим, а окружающие к ним.

В настоящее время не существует закона, разрешающего получать таким детям пособия по инвалидности, бесплатные лекарства, путевки в санаторий бесплатно или со скидкой. Дети не пользуются льготной скидкой на проездные билеты, а в другие города едут за полную стоимость. Очень ограничен у таких детей и круг выбора профессии. Молодой человек, способный учиться и работать, в мире слышащих встречается с ограничениями и даже отказом при поступлении в учебное заведение и выборе работы. Хотелось бы, чтобы существовал закон, помогающий этим детям пользоваться правом обучения в обычных школах, техникумах и институтах, правом трудоустройства их на работу, отменяющий многочисленные ограничения.

Предлагаю закрепить для слабослышащих через собесы определенный процент мест на каждом предприятии, а не только там, где есть переводчики. Установить пенсии и пособия по инвалидности, предоставлять бесплатно лекарства, путевки в лечебницы и сана-

тории, сделать скидку на транспорт. А самое главное, разрешить группам слабослышащих детей посещение детсадов, обычных школ. Пересмотреть школьные программы и выпустить специальные учебники, разрешить им посещение дворцов пионеров, станций юных техников и т. д.

В настоящее время эти дети восьмилетнее образование получают за 12 лет. Но, может, есть смысл сократить годы обучения в школе? Не лучше ли вместо изучения иностранного языка добавить уроков русского разговорного языка и обучать общению детей в мире слышащих?

Разрешение этих вопросов будет способствовать восстановлению социальной справедливости для шести процентов нашего населения, относящихся к группе слабослышащих.

Л. И. ЛЕОНОВА,
г. Николаев

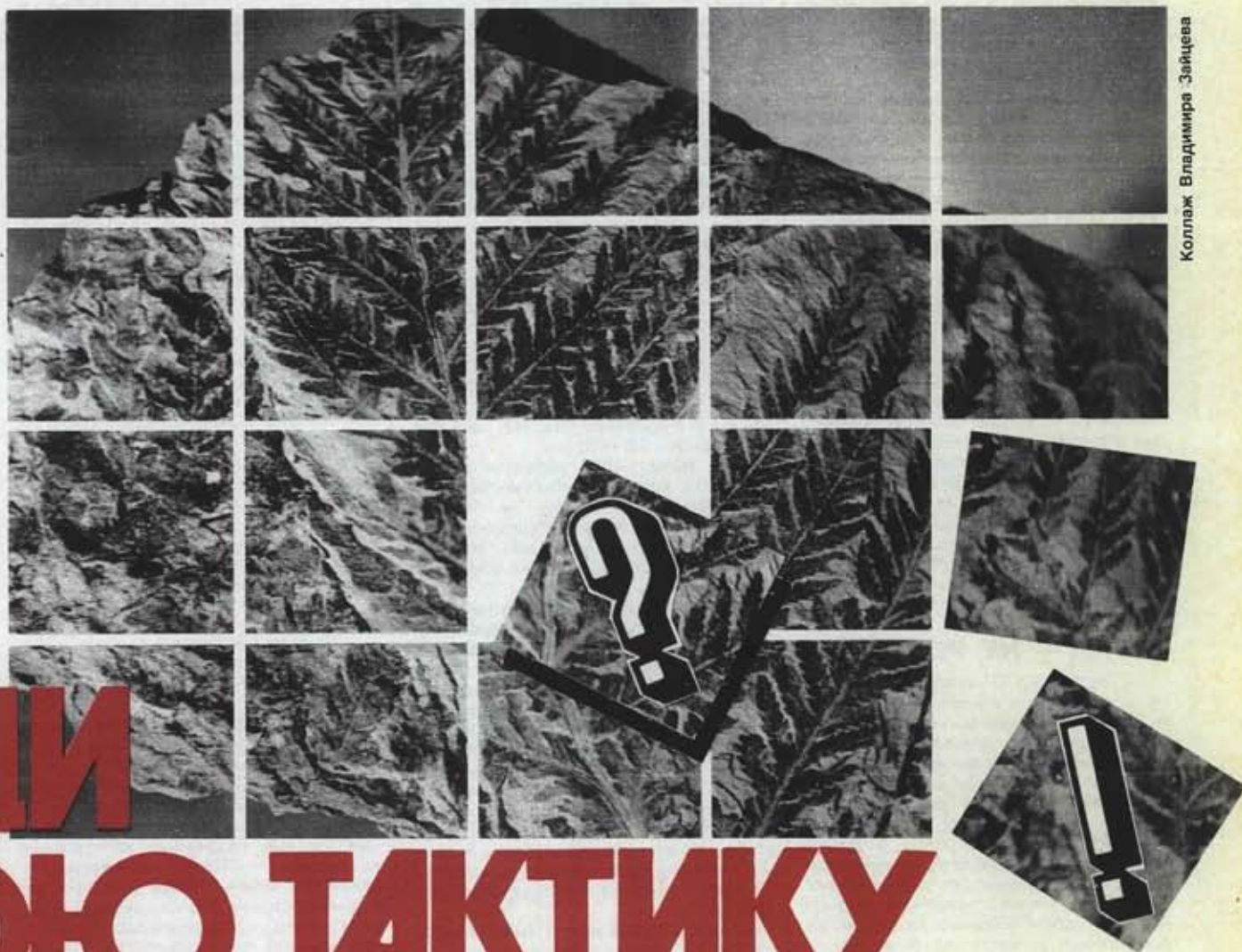
Я — воспитатель старшей школьной группы детского дома № 4 г. Кировска Мурманской области. Пришла работать в детдом в конце августа 1986 года, отработав до этого 17 лет учителем физкультуры. Пришла по собственной воле, по собственному желанию работать с детьми, так как много слышала о них от своего мужа, Волкова Виктора Егоровича, учителя труда школы № 6, где учатся дети нашего детдома.

Седьмого сентября 1986 года я получила школьную группу — 25 первоклассников и сразу же растерялась. Дети не слышали меня, не то чтобы не слушались, а просто не слышали, не замечали, не обращали на меня никакого внимания. Промучившись так неделю, проведя несколько бессонных ночей, проплавав от бессилия, я обратилась к мужу с просьбой — помочь мне, посмотреть, что я, как воспитатель, не так делаю, в чем моя ошибка. Попросила, не предполагая, к каким неприятным последствиям все это приведет. Попросила, так как знаю мужа как опытного педагога, которого любят и уважают дети. Раньше, при старом директоре, муж был желанным гостем в детдоме. Я приступила к работе уже при новом директоре Яковлевой, и не знала, что Надежда Федоровна считает наш дом сугубо закрытым, куда доступ посторонним лицам, а особенно мужьям, запрещен. Увидев его в группе, Надежда Федоровна сразу же восприняла это как посягательство на учебно-воспитательный процесс, попросила удалиться. Как всякий нормальный человек, мой муж был крайне удивлен ее гневом. То, что произошло, потрясло и до сих пор потрясает нас. Потом в детдоме произошло разбирательство этого инцидента. Представители горно-выяснили обстоятельства дела, и Виктору Егоровичу было предложено бывать в доме, помогать детям развиваться, так как особых препятствий для этого не было. Было и есть только нежелание Надежды Федоровны видеть Виктора Егоровича во вверенном ей детском доме, потому что она знает, что в горно и в горисполкоме долго и настойчиво уговаривали его стать директором детского дома.

Я могу понять все, кроме одного: как можно педагога, «Отличника народного образования» гнать от детей, чинить ему препятствия в общении со своими учениками? Мне непонятно, почему все дети могут приглашать к себе в детдом своих учителей, кроме Волкова. По мнению директора, он утратил это право, так как он мой муж. А мужу к жене на работу доступ закрыт. Я считаю это полным абсурдом — в детский дом должны идти не равнодушные формалисты, а люди, горящие желанием помочь детям, согреть их, исправить их, исправить их ложные понятия и представления, независимо от того, работают члены его семьи в этом детдоме или нет. Может быть, я не права? Прошу вашего совета.

Наталья ВОЛКОВА,
Кировск

Сергей КАЛЕНИКИН,
специальный корреспондент
«Смены»

Коллаж Владимира Зайцева

НАЙДИ СВОЮ ТАКТИКУ

НАУКА ПЕРЕХОДИТ НА ХОЗРАСЧЕТ

Толком и оглянуться не успели: время заключать договоры. В них они и хотели воплотить все выношенные ими идеи, планы. Но вот пришла директива Миннефтехимпрома СССР, и многое из задуманного рушилось. А директива повелевала: 70 процентов всех договоров НИИ сланцев должен заключить с министерством, а остальные — с предприятиями — прямые связи. Стало ясно: в жестких условиях хозрасчета подобный расклад — удар ниже пояса.

НИИ сланцев — головной координирующий центр по использованию и переработке горючих сланцев в стране, уникальный институт — единственный в мире подобного профиля. И теперь, когда его коллектив перешел на хозрасчет, они, ученые, ответственны за то, как сработает НИИ в больших и малых делах. Им самим — без подсказок и давления — пришлось крепко пораскинуть мозгами: как жить дальше, как увязать интересы производства, отрасли, науки и самого коллектива. И чтоб единой связкой, чтоб одно работало на другое.

Словом, обдумали и сверстали план, который, как выходило, не очень-то вписывался в министерские установки. Смело пошли на рост прямых связей с предприятиями. Иначе говоря, взяли на себя дополнительную работу — на миллион рублей. Жаркая была пора: договорная кампания.

А в конце января — опять директива, с поправкой: с министерством институту надлежало иметь не большую часть договоров, а половину, то есть не 70, а 50 процентов. А у них на повер-

ку — 45... Да, поступи иначе, по примеру других НИИ, которые были верны первоначальным установкам, оказались бы в весьма и весьма сложном положении. Пришлось бы суетиться, спешно искать заказчиков: аврал — та же штурмовщина. Издержек не избежать.

Однако в НИИ сланцев и свой промах видят: с некоторыми договорами явно поспешили. Позже могли заключить очень неплохие сделки, а силы уже иссякли.

Хозрасчет — это, конечно же, расчет, но трезвый.

ЧЕМ ТОРГУЮТ В НИИ?

Итак, большая часть договоров — заказы предприятий. А это сущая **коммерция**: торговые операции. Отныне институтские разработки — технологии — рассматриваются как **товар**. Значит, их надо сбывать, реализовывать, словом — **продавать**. Но колы товар, то цена, а она на договорной основе, то есть тут уж как столкнешься с потребителем. А деньги ныне считает каждый: хозрасчет. Не продашь — вылетишь в трубу, прогоришь.

Чем конкретно торгуют в НИИ? Прибалтийский горючий сланец — уникальный. Подобного, говорят, на всей планете не сыскать — чрезвычайно богат органической массой, кислотными соединениями, наполовину состоит из них. Дар божий. И из этого дара по технологиям НИИ сланцев уже сейчас путем термической переработки получают десятки важнейших продуктов: масло для пропитки древесины — антисептик, к примеру, шпало-пропитка; строительные мастики, различные синтетические смолы: эпоксидные, тампонажные, клеевые, всем хоро-

шо известная в быту «эпоксидка»; электродный кокс, синтетические дубители для кожевенной промышленности... Или смазка «Слак» для защиты сельскохозяйственной и прочей техники от атмосферной коррозии. Разработчик — молодежная лаборатория физико-химических методов исследований, во главе которой Валентин Васильев.

— Самим не верится, но факт, — говорит Валентин. — Уже в этом году ПО «Сланцехим» даст сто тонн опытной партии дефицитнейшей смазки. А ведь раньше на это ушло бы 10—15 лет, пока бы согласовывали, проектировали, утверждали, добивались лимитов на строительство установок.

Объединение, смекнув — а оно тоже на хозрасчете, — что смазка — дело нужное и прибыльное, пошло на то, на что бы раньше не пошло: само проектирует и хозспособом будет возводить нужную для производства установку, дав за «Слак» 320 тысяч рублей. А он стоит того: по сравнению с ним все отечественные и зарубежные аналоги блекнут по всем своим характеристикам. Да и себестоимость производства смазки в пять раз дешевле. Перспектива.

Впрочем, тут иные перспективы видятся. В сланце обнаружены биологически активные вещества. Одна из главнейших задач молодых ученых — извлечь их, пустить в дело. Да и вообще, как утверждает Валентин Васильев, прибалтийский горючий сланец может дать не менее 150 продуктов.

Есть и такая точка зрения. НИИ сланцев мог бы стать Всесоюзным центром по переработке твердого топлива в жидкое. Пока таких реальных технологий нет. Но они будут. За ними — будущее. Ведь запасы нефти не безграничны. Нефтепроводы — удовольствие

из дорогих. Да и топить нефтью — все равно, что топить ассигнациями, как в свое время заметил мудрец Менделеев. В СССР уже известно 88 месторождений горючих сланцев. Их геологический запас — 195 миллиардов тонн!

О ВЫГОДЕ, РУБЛЯХ И СДЕЛКАХ

Николай Куташов — заведующий лабораторией технико-экономических исследований и перспективного развития. Он главный идеолог хозрасчета. Задаю ему вопрос: на каких принципах НИИ работает с заказчиком? Николай поправляет: главное коммерческое лицо не институт, а лаборатория. Торгует она, ее заведующий ищет покупателя, заинтересовывает его своей разработкой, технологией и заключает договор. На взаимовыгодных условиях.

А условия таковы. Если разработка выше мирового уровня, то ее авторы получают 50 процентов от годовой прибыли предприятия (не исключено, что новация ученых заинтересует инофирмы, а для предприятия это чистая валюта), если же разработка выполнена на достаточно высоком современном уровне, то тогда авторы могут рассчитывать на 30 процентов... Их можно получить целиком в конце года или частями в течение двух-трех лет. От одной разработки ее авторы могут иметь сотни тысяч рублей. И даже миллион. Но его получают только раз. И его надо заработать.

Как распорядиться деньгами — вопрос не праздный. Тут-то разработчики и должны проявить свою хозяйскую мудрость. Кому? На что? И сколько?.. И премию надо распределить — по вкладу, и технику обновить, о рекламе похлопотать, да и о финансировании

перспективных тем, о научном поиске надо позаботиться.

— Думать приходится о многом, — говорит директор НИИ сланцев Рихард Иоонас. — Наш коллектив ориентирован на конечный результат, и мы не можем пойти на то, чтобы наши творческие усилия сводились на нет.

Творческое усилие. До поры до времени оно бесправно — не имеет реальной экономической оценки. Она в перспективе, а перспектива бывает и со знаком «минус». Споры нет, разработка не кот в мешке, но все же, осваивая новацию, предприятие рискует. А если НИИ просчитался? Ну, «сгорела» его технология, и потребитель остался без обещанного экономического эффекта, вожденной прибыли? Затраты. Убытки.

— Коль мы ошибемся, то есть допустим брак в своей работе, — поясняет Николай Куташов, — то обязаны возместить предприятию все убытки, до копейки. Это, между прочим, предусмотрено договором. Но расплачиваться будет не институт, а непосредственные виновники — авторы новации. Раньше они отделились бы символическим выговором, а ныне отвечают рублем. Но дело не только в дензнаках. Любая научная осечка бьет по престижу института. Раз подвел партнера, другой, третий... Так недолго остаться и при своих интересах. Ответственность должна быть взаимной.

О партнерах разговор особый.

НАУКА — НЕ ремесло

— Партнеры. С ними договориться — семь потов сойдет, — размышляет Николай Куташов. — В общем-то мы стремимся договариваться на джентльменских условиях, без амбиций и позы. Понимаем, что предприятию сразу всю сумму нам выплатить тяжело. Для этого ему понадобилось бы брать кредиты, залезать в долги. Разве трудно предвидеть, к чему приведет такая коммерция? Она станет тормозом в наших отношениях, хозрасчет даст сбои. Поэтому мы идем на приемлемые уступки, компромиссы, то есть соглашаемся получать деньги частями. Словом, учимся находить общий язык. Наука, скажу вам, трудная. Но в конце концов мы делаем одно дело. Так ведь? Беда в том, что не все заказчики так мыслят. Кроме рубля, дальше годового плана ничего не видят. Живут одним днем. О перспективе и слышать не хотят.

— Вот мы и должны работать с предприятиями, — вступает в разговор инженер-экономист председатель совета молодых ученых и специалистов, член комитета комсомола Юрий Рыболов. Ему 25 лет. — Задача ученых — помочь им. Скажем, чем и как лично я могу помочь? Вникаю в конкретную производственную проблему. Изучаю конъюнктуру, рынок. Без этого нельзя. Ищу оптимальный вариант решения проблемы. Делаю экономический расчет, определяю эффект. Этим и заинтересовываю потребителя: убеждаю, доказываю. Теперь мы стали чаще общаться с производителями. Раньше этого не было. Конечно же, о перспективе должны думать вместе.

Одно из генеральных направлений НИИ сланцев, а стало быть, и подотрасли — безотходная технология переработки мелкозернистого сланца. В основном он идет на ГРЭС, где сжигается, как дрова, вся его уникальность — в пеще. А это 80 процентов того, что добывается шахтами ПО «Эстонсланец». Еще миллионы тонн породы — под открытым небом. Перед объединением стоит проблема реализации. И она обострится, ибо с внедрением механизированных способов разработки объемы мелкозернистого сланца, несомненно, возрастут. Эта проблема и занимает ученых НИИ. Ими разработана опытная установка безотходной технологии горючего сланца. И даже, считай, построена. Сооружалась она на министерские средства на заводе «Кивилы». Теперь нужны испытания, но

прежде — деньги. А вот желающих платить нет. Открещиваются все, как могут.

— А почему, собственно, именно мы должны платить? Хотите испытывать — деньги на бочку! Вот позиция заводчан, — продолжает свой рассказ Куташов. — А где нам взять 400 тысяч рублей в год? Режут без ножа. И потом. Разве безотходная технология создавалась не для промышленности? Да и нужна установка не в единственном числе, будет тиражироваться.

Нелепость: у заводчан есть деньги, но не желают платить, а лаборатория переработки сланца и заплатила бы, да средств нет. Имей институт надежный тыл — собственную опытно-производственную базу, проблем бы, надо думать, поубавилось.

— То, что мы лишены такой базы, — наше упущение, — соглашается Рихард Иоонас. — По существу, нам нужен завод, и мы не отказываемся от его создания, будем добиваться. Вопрос не только в самостоятельности. База позволит нам предлагать готовый товар. Мы бы его подавали так, как того требуют законы коммерции.

Быть может, НИИ добьется своего, и будет у него своя опытно-производственная база. Но, увы, не сегодня, и не в самое ближайшее будущее, а безотходная технология нужна сегодня, сейчас: эстонские шахты уже сократили добычу сланца...

На что же рассчитывают в НИИ? На ГПО — Государственное производственное объединение. Его будущий Совет директоров и должен принять решение о финансировании испытания при доленом участии предприятий ГПО. Идея не лишена смысла. Об этом бы подумать раньше. Не министерский ли это промах? Можно понять ученых и даже заводчан, но вот позиция Миннефтехимпрома — загадка. Почему министерство осталось в стороне, допустило, что установка оказалась бесхозной? Почему столь важная разработка не получила статуса государственного заказа?..

Кстати, о госзаказах. У НИИ сланцев их 16. Это перспективные народнохозяйственные, союзного значения договоры. Один важнее другого. Видимо, так и должно быть. Но вот вопрос: заинтересован ли в госзаказе отраслевой НИИ? Да, тут кровный интерес. Вот и рассчитали бы в Миннефтехимпроме, в каких экономических условиях надлежит работать институту, чтобы у него со временем не исчез вдруг интерес к перспективной теме, разработке. Ведь министерство практически оплачивает лишь затраты госзаказа. А жизнь берет свое. Нынче, чтобы заниматься наукой, поиском, долговременными исследованиями, перспективными разработками, одного желания или энтузиазма мало, нужны деньги, солидный, крепкий капитал. Где сыскать его? С протянутой рукой нынче не сунешься: не те времена, не поймут.

Вот и напрягая мысль, ученых, где раздобыть нужную копейку. Стало быть, жертвуя наукой — перспективными темами, — подрабатывая на мелких хоздоговорных заказах с предприятиями. Других путей нет. Тут недолго стать шабашником в науке.

Сиюминутный интерес во имя перспективы — балансирование на острие ножа. Устоять непросто. Не успеешь оглянуться — и стал ремесленником. А наука не ремесло, а творчество высшей пробы. Да, хозрасчет — это давление, пресс. Но этому давлению надо суметь противостоять, не впадая в крайности. Ориентир, полагаю, один — научная чистоплотность, порядочность, честность не должны размываться ни на какие рубли. Надо уметь дорожить наукой, репутацией ученого, наконец, именем своего института.

Вот и еще одну задачу подкинул хозрасчет науке. Справится ли с этой задачей НИИ сланцев? Не знаю, время покажет. Но уже хорошо то, что его коллектив осознает: хозрасчет не манна небесная — крутись и крутись.

Здесь, похоже, крепко уяснили, что хозрасчет — общая для всех стратегия, а вот тактику надо найти свою. Директив и привычных рекомендаций «сверху» на сей счет нет и не будет...

«ПОХИЩЕНИЕ» УМОВ?

Откуда берутся кадры в НИИ сланцев? Приходит время, когда думающий завлаб всерьез задается вопросом: какие специалисты ему потребуются через 3—5 лет? Прикинув, отправляется в соответствующие вузы страны. В него и идет поиск наиболее талантливых и перспективных студентов. Очень скоро у этих ребят с институтской лабораторией устанавливаются самые деловые отношения. Начиная с третьего курса, они в НИИ сланцев проходят всевозможные практики, пишут рефераты, курсовые, дипломные работы, внимательно вникают в тематику института, его проблемы и задачи, присматриваются к коллективу, ибо с самого начала знают, что будут работать именно здесь.

Треть коллектива НИИ сланцев — молодые ученые и специалисты. Это человек сто. Ежегодно в институт приходят 10—15 выпускников учебных заведений. Здесь тот самый непростой период, который обозначается так: смена поколений.

Рихард Иоонас не без гордости произносит:

— Еще не так давно к нам мог устроиться всяк желающий, а сегодня — конкурс! Молодых в обиду не даем, не в наших это правилах.

Знаю, во многих научных учреждениях не первый день быются над вопросом: как активизировать работу молодых? Изобретаются, к примеру, специфические методы работы.

— Было время, и у нас создавали комплексные творческие молодежные коллективы — КТМК, — вспоминает Николай Куташов. — Вроде и задачи перед ними стояли, и цели имелись. А работа как-то не складывалась. Присмотрелись: есть голый энтузиазм, а реальных, жизненных стимулов нет. Вот по этой причине, полагаю, и распались коллективы.

— Молодежь надо не обособлять, а подключать к той работе, которой занимаются все, — уточняет Юрий Рыболов. — Каждый должен заниматься своим делом, причем на совесть. У нас возможность такая есть — внутренний хозрасчет... После договорной кампании окончательно решается, кто в каком договоре участвует и в какой мере. Взять, к примеру, экономистов. Мы практически задействованы в каждой работе. Но не все нам под силу. Скажем, мне необходимо математическое обеспечение — ищу математика, составляем протокол долевого участия. Математик, в свою очередь, может заключить договор с химиком... Отчисляем друг другу проценты. Целная реакция. Выходит, коллективный интерес и труд. Его и назвали внутренним хозрасчетом.

— В институте немало современной зарубежной и отечественной техники, — рассказывает Евгений Антипов, младший научный сотрудник лаборатории физико-химических методов исследований. — Только в нашей лаборатории ее на миллион рублей. Технику эту надо использовать эффективнее, она должна окупаться, давать прибыль. Вот сейчас и разрабатываем преискурент услуг для других лабораторий. Теперь, если наши коллеги хотят работать на уровне, им придется платить за технику. Здесь есть перспектива, есть какая-то ясность. А вот с заработной платой не все понятно. Введены новые принципы надбавок. Раньше надбавка назначалась, и ты мог получать свои 30 рублей до пенсии. Сейчас иначе. Надбавка может составлять 50 процентов должностного оклада, но дается она лишь на время выполнения конкретной работы: на три, пять месяцев... И, замечу, ее получают в основном молодые, однако

лишь тогда, когда они заняты важной проблемой. Ну, хорошо, а как быть тем, кто не работает над глобальной проблемой, но все же трудится на совесть? Выходит, в этом случае нет материальных стимулов...

Согласимся, за прибылью, процентами, договорами, разработками и прочим стоят люди. Они разные. Талантливые и посредственные, опытные и неопытные, одержимые и сдержанные, честные и не очень... А у хозрасчета установились одни. Рассуждая, можно не без оснований предположить: преуспел тот, кто сильнее, опытнее, кто в плечах пошире.

Куташов раскрывает карты. Вот, говорит, лаборатория О. Велицкой. Числом в 18 человек заключила договоров аж на 500 тысяч рублей! Солидно. Но это не за счет кого-то. Факт: каждый завлаб стремится набрать как можно больше договоров. Он должен проявить себя, подумать о коллективе. Да, есть лаборатории примерно с такой же численностью, но с заказами у них туговато. Тысяч на сто. Явно мало. На 15 человек необходимо как минимум 200—250 тысяч рублей. Без премии, разумеется. Понятно, отстающих поддержим, будем привлекать их к своей работе. Но и они не должны расслабляться. Верно?

Верно. Но будем смотреть глубже. Что ни говори, а пока не вся молодежь трудится так, как может, как должна. Нет, не ленятся ребята, не уклоняются. Напротив, они готовы взять на себя большую работу, а вот условия не всегда есть. Кто-то еще на обочине...

— Что означает хозрасчет в моей работе? — задается вопросом младший научный сотрудник двадцатичетырехлетний системный программист Владимир Хорев. — Означает переориентацию. Но я до сих пор выполняю ту работу, которая идет «сверху», которая могла бы выполняться централизованно, то есть занимаюсь расчетами заработной платы, фондов, материалов. Сегодня так нельзя использовать ЭВМ, расточительно. Машинного времени мало. И, думаю, надо решать насущные задачи института. Я бы мог помогать технологам, экономистам, химикам... А пока, признаюсь, я себя чувствую не совсем у дел...

НИИ сланцев не Гарвардский университет, где читался и, надо полагать, читается специальный курс «человеческие отношения». Наука нужная. А сейчас — крайне необходимая. Без нее экономическая реформа мало чего стоит. Американцы давно поняли: заработная плата не стимулирует всего человека. Производительность труда может быть значительно увеличена без всяких затрат и расходов — надо лишь улучшить человеческие отношения. И при хозрасчете это не должно забываться. И при нем надо видеть конкретного человека в конкретной ситуации. Нужен живой, искренний интерес к людям. Интерес не на словах, а на деле.

В хозрасчете все связано единой нитью: экономика, мораль, нравственность, этика. Пренебрежешь одним, рухнет другое. А принцип «Ты — мне, я — тебе» здесь не так уж и плох! Отнесись к человеку с вниманием, заботой — и он выложится, раскроется как личность, как творец.

Ясно: хозрасчет в науке — дело новое и хлопотное. Не все в нем отшлифовано, а, быть может, и продумано. Проблемы. От них у некоторых руководителей голова кругом идет, а кому-то — чей грех таить — и свет не мил. Но и мусолить эти самые проблемы до бесконечности, трезвонить о них, хныкать, сетовать — значит расписываться в своей беспомощности. Большие задачи, трудности и высвечивают — кто чего стоит. А хозрасчет, как ни крути, раскрепощает научную мысль, рождает стремление к поиску, освобождает от пут того времени, когда за тебя думали, решали, вершили.

Хозрасчет — дорога трудная, с ухабами, ее осилит идущий.

Поколение молодых поэтов, которым сейчас от тридцати до сорока лет, вызывает много споров. Мнения о нем противоречивые, часто самые противоположные.

Одни считают, что это поэтическое поколение еще не сформировалось, что его, по сути дела, нет, поскольку в нем нет ярких представителей, которые могли бы его возглавить.

Другие признают, что оно уже существует.

Я отношусь к последним.

Еще в 1980 году, составляя антологию «Молодые голоса», в которую вошло 120 авторов, живущих от Бреста до Владивостока, я уже выделил среди них группу поэтов, которые подавали, на мой взгляд, наибольшие надежды.

С тех пор прошло восемь лет. И сегодня можно назвать десять — пятнадцать имен, которые уже утвердились в нашей поэзии и получили определенное признание. Поэты эти выпустили по нескольку книг, они приняты в Союз писателей, их нередко упоминают в статьях, они уже имеют своих читателей и почитателей.

Это, на мой взгляд, Александр Бобров, Николай Дмитриев, Владимир Епанов, Ольга Ермолаева, Иван Жданов, Михаил Зайцев, Григорий Калужный, Надежда Кондакова, Геннадий Красников, Валентина Мальми, Олеся Николаева, Лада Одицова, Ирина Семенова, Владимир Урусов.

Но поколение это складывалось с запозданием и до сих пор еще не сформировалось окончательно, оно еще пополняется и уточняется. Возникают новые имена, которые с полным правом входят в это поколение. Так, в Костроме зазвучали интересные стихи Виктора Лапина, а в Куйбышеве — Евгения Чепурных, которые сразу обратили на себя внимание.

И сегодня, представляя в журнале «Смена» новые имена, которые тоже относятся к этому поколению, можно надеяться, что эти молодые авторы скажут в поэзии свое слово, займут свое место в числе лучших.

У них для этого есть все — и жизненный опыт, и талант, и серьезное отношение к работе над словом.

Николай СТАРШИНОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Александр МАКАРОВ

Иди. И не надо прошедшую злость,
Как уголь,
в потухшем костре ворошить.
Увидишь собаку и бросишь ей кость,
И будет собака твой дом сторожить.
Увидишь червя на краю борозды —
Убить не сплши беззащитную тварь.
Дыханьем дотронься

до света звезды
И тихо читай поднебесный букварь.
Увидишь у облака розовый бок,
И ветер качнет голубую полынью.
Увидишь закрытым татарник-цветок
И взглядом широкое поле окинь.
Сумей это поле душой приласкать.
Сумей сохранить

этот сказочный свет.
Иди. И не надо названий искать
Всему, чему в жизни названия нет.

В камышах я увидел нечистую силу.
И я крикнул с испугу:

— Ты что тут стоишь!
Забубнила, забулкала, заголосила.
Передернулась и превратилась
в камыш.

«Это выпь», —
подсказала мне память ребенка.
Это миф о прекрасной высокой
душе,

Что под взглядом твоим стала
веточкой тонкой,
Стала шепотом в этом сухом камыше.
Почему все, что вечно,
и все, что любимо, —

Дом родимый и вешние годы мои, —
Вижу в струйке летящего синего
дыма,

Слышу в лепете вечно прозрачной
струи?

Неужель в этом доме остаться
возможно?
Неужель в этом дыме есть место
душе?

Почему за веселую птицу тревожно,
За нечистую силу в сухом камыше?

Нина ШЕВЦОВА

В клинкой голосистой электричке,
Химки окликающей с моста,
Видно, по студенческой привычке
Я люблю стоячие места.
Вот опять, по насыпи взмывая,
Нагнетает в тамбуры озон —
Летняя, шальная, кочевья!
Что рюкзак не взял — из сердца вон!
Городишки, пестрые покосы...
И как весть оставленной родни,
Вдоль по рекам столько ребяти...
Все светловолосы и курносы.

■ Когда, война, люди землю ранят,
Она, вставая на дыбы меж них,
Подобно старой матери, не станет
Себе искать защиту у чужих.
Мать знает, что безжалостные пули
Всегда находят лучших сыновей.
Вот снова братья лица отвернули
И мертвых в сердце зарывают ей...

Валерий КРАСНОСЛОБОДЦЕВ

УРОК ПЕНИЯ

Учитель пения — твой труд,
Одни бемоли и дизезы,
Но пели мы, как то железо,
Когда его стеклом скребут.
Мы убежали, сорванцы,
Презрев урок и все октавы
(Наверно, были мы не правы),
Но пели за окном скворцы.
И пели за рекой поля,
И пели развеселым хором —
И облака, и косогоры,
Березы, ветлы, тополя.
Мы принимали наш урок —
Где крыши Родины просохли —
Вбирая музыку проселков
И песни длинные дорог...

ПАМЯТЬ

И полынью через память несет, и туманы,
И проносит, как льдины, забытые сны —
Это в пепельном поле горит за домами
Фиолетовый вечер огромной длины.
Я не знаю, что вечер окончится скоро,

И не верю, что стану когда-то травой —
И луна все летит и летит, как осколок,
Из далекой и близкой войны мировой.

Обойдусь без вранья и красивых фантазий,

Буду в поле печально смотреть и смотреть...
Те, кто падали юные, мертвые, наземь:

Не вернутся обратно — не пустит их смерть.

Где-то птица кричит.
Перепутались тени.

Нужно душу свою и чужую спасать.
И зовет кто-то вечный к неласковой теме,

Ну а я не умею об этом писать...

Александр ХОЛИН

■ Не знал я, что гордость виною
Моих неудавшихся дел.
Пытался понять неземное,
Объять необъятный предел.
И вместо того, чтобы верить
В дающее жизнь бытие,
Я штормом в стакане измерить
Решил непокорство свое.
И думал: подарят века мне
Все то, что они сберегли.
Но даже в стакане есть камни,
Где гибель нашли корабли.

■ Не суди, не ряди, а послушай:
Чем живем мы с тобой, человек?
Неужели красивые души
Зачисляет в архивный век?
Неужель изначальное слово
Расчленили на много частей,
И душе ни приюта, ни крова
Не оставило пламя страстей?
Место душ заняло равнодушие,
Порождая духовных калеки.
Ты не чувствуешь разве удушья,
Если ты еще жив, человек?

ТОПОЛЬ

Обрезали руки ему. А за что?
За то, что железную рвал паутину
И землю пытался навеки покинуть,
Как мальчик, пришедший в журнал
из лито.

И нынче стоит не урод — инвалид,
Утративший веру в стремление

к небу,
Не знающий, чем бы прикрыться
и где бы

Лекарство достать, ведь душа-то болит.

Татьяна МАКСИМЕНКО

■ В аквариуме неба хвост кометы
Пролет дорожкой света и тепла...
Созвездья угасающего лета
Озерам ночь на память отдала.
И обретали контуры живые
Века считать уставшие дубы,
И поднимались тучи дождевые,
И под листьями прелыми грибы.
И трепетали паутины клочья,
И покрывалась язскою вода,
И за звездой звезда, а ночь за ночью
Летели прочь неведомо куда...

■ Взъерошенная, смешна и некрасива,
Я влюблена, а потому глупа.
Вы думали — я роза? Я крапива,
И мне не надо праздного шипа.

■ Вы думали — я бойкая синица,
Легко преодолевшая испуг?
Как быстро вам надоедают птицы,
Те, что охотно кормятся из рук!
Вы думали, владычица ночная,
Как мышшь летуча, я парю во игле?
Ну возразите мне, я знаю, знаю,
Как жгутся угли в голубой золе.
Как прорастают на рассвете зерна,
Когда их робко трогают лучи,
Как на земле прохладно и просторно,
Когда над нею кружатся грачи.
Как ветка ивы, гибкой, серебристой,
Моей щеки касается вплотьмах,
Как истина с известной долей риска
Гнездится в заблудившихся умах.
И до любви, как до другой планеты,
Так далеко по космосу шагать,
Чтоб сноп ее застенчивого света
Для будущих людей оберегать.

Григорий МАРГОВСКИЙ

ОПРАВДАНИЕ

Если я ничего не достиг,
То я сам — понимаю? — сам
Отвечая за свой тарарам,
За фиаско ненаданных книг.
Меценатство ничье ни при чем.
Я чужим не обязан звонкам.
И всего не добился я сам —
Пустоту подлирая плечом!
Не щедроты в щепу разнесли,
Не посулы чертогов златых —
Этот чахлый ковчег, что затих,
Сам себя схоронив на мели.
Не пытайтесь мне в чем-то помочь:
Я и так уж во всем преуспел,
Что касается сорванных дел
И намерений, изгнанных прочь.
Не старайтесь меня обмануть,
Ибо это удастся и вам.
Лишь я сам — повторяю — я сам
Безнадежно запутал свой путь.

■ Наконец-то сумел с глазу на глаз
Провести это лето с тобой.
Ты припишешь мальчишеству
наглость —

И с закушенной ходишь губой.
Но мне кажется все же: загладь я
Пред тобою и эту вину —
Время по ветру пустит заклятья,
У которых я в давнем плену;
Снова сделаюсь неразговорчив,
Не расслышу призывных октав,
Удалость, одиночество скорчив
И у тапочек задник стопаю;
Циферблатного первопроходца
Я отвагу утрачу с утра:
И сегодняшний день обернется
Послезавтрашним позавчера...

Самое глупое то, что я до сих пор не понимаю, что же именно случилось? И что мне теперь с собой делать?..

Может, потому не понимаю, что объяснить разумно это вообще невозможно?..

А если не понимаю потому, что не хочу понять?

А может, и того проще — боюсь... Боюсь понимать...

В который раз начинаю вспоминать все с самого начала.

Опаздывал я прилично, хотя подводить людей не люблю да и не умею. Сидит во мне что-то и не дает опоздать на любую, самую ничемную встречу. А времена теперь такие, что далеко не во многих это сидит, и потому я обычно всех дожидаясь. Но я не расстраиваюсь. Наоборот, даже рад: это не самое плохое человеческое качество. Отсюда и моя обязательность, четкость, а уже одно это может составить человеку репутацию, пусть он и не обладает особыми талантами и хваткой. Если же есть и они, даже в размерах и невыдающихся, поверьте, жить с толком можно.

Но вот на этот дурацкий вечер в школе опоздал. Потому что опоздал нарочно. Рассчитал, когда мое явление народу произведет особый эффект, и уж к этому-то сроку занялся точно. Впрочем, весь народ я в расчет не брал, играл, собственно, на одну Тamarочку. У нас с ней свои отношения, давняя такая игра — мы, мол, без предрассудков возрастных и словных, во всем на равных, идем по жизни плечо к плечу, помогаем друг другу и совсем не помним, что она — классный руководитель, а я — ученик, пусть и выпускного класса.

А решил я тогда заявиться на вечер попозже, чтобы заставить ее слегка потрепетать: вдруг совсем не приду? Зачем мне это было нужно? Да так — хотелось лишний раз напомнить о себе, обратить ее внимание. Она же в последнее время только об этом вечере и говорила, как будто нам больше и говорить-то не о чем... И потом, все-таки мне семнадцать всего, имею я право на детские глупости!..

Конечно, обижать Тamarочку я совсем не хотел, и когда уж в зале увидел, как она на меня посмотрела, даже испугался: не перегнул ли? Потом она нижнюю губку прикусила и, в пол уставившись, мимо меня деловой и устремленной походкой пролетела. Такой деловой и устремленной, что у меня внутри дернуло горячо, как в больном зубе.

Я пробрался, пожимая руки и подмигивая, на первый попавшийся пустой стул, плюхнулся на него и затаился, виноватый, скромный. Наши сразу зашушукались: чего это я в стороне от них пристроился? А Катя так и запрыгала, словно под ней огонь разлился. Я еще подумал: ничего, полезно... И потом только заметил, что занесло меня на место рядом с Третьяковой, чего быть в принципе не должно. Причем я ее сначала просто не узнал — она что-то на себя надела неприличное и, главное, с волосами на голове такое сотворила!.. Светлые кудельки торпорчили дыбом во все стороны, а раньше у нее голова такая гладенькая была. Я уставился на нее, обалдевший, она вся краской залилась, уши в кудельках пылают, как бумага под хворостом, а сама от сцены глаза оторвать боится и руки в кулаки перед грудью сжала, вот-вот туда, на сцену, полетит... А на сцене Паткина под звуки, которые извлекала из пианино Мишустина, вяло докладывала о том, что «есть в осени первоначальной...». Вечер этот назывался соответственно: «Унылая пора, очей очарованье»... Когда я Тamarочке несколько дней назад — она как раз с жаром расписывала нам его идею — сказал, что название-то не бог весть какое свежее и оригинальное, она ответила, что как раз и хочет, чтобы мы словно впервые задумались над тем, что нам кажется давно понятным, а на самом деле содержит в себе столько неисчерпаемых глубин!..

Тут Тamarочка в зал вернулась, села скромно, демократично, в третьем ряду, среди масс. Стоечка, как у солдатиков, что президентов в аэропорту встречают. Она же у нас красавица... Но сидела она что-то уж чересчур прямо. Я сразу обо всем догадался. Было бы дело только во мне, она бы, наоборот, начала с другими подчеркнуто оживленно переговариваться... А тут чувствовалось иное... Догадаться было нетрудно. Тamarочка на этот вечер ужасно надеялась: почему-то решила, что после него наш класс сольется в едином порыве к светлоте и прекрасному, распри позабыв, и дружной, единой семьей будет штурмовать трудности, обрушивающиеся на выпускников, и на всю оставшуюся жизнь пронесет в сердцах и душах святой огонь дружбы и единения... Надежды Тamarочки на этот вечер были, как на восьмое чудо света... А наши славные мальчуганы и не менее славные девушки, видимо, постарались, доказали, что чудес, тем более видимых, на свете не бывает. На это они способны. Им и стараться-то не надо, достаточно просто быть собой.

Тamarочка чуть повела головой на шум, плеснувший в конце ряда, и ее напряженно-летающий профиль на секунду открылся мне...

Странно все же, разница в возрасте между нами лет семь — учителствует она после института всего второй год, — но мне порой кажется, что она из какого-то далекого от нас поколения. Поговорить с ней можно так, что сразу ясно: своя. А то вдруг откроется в ее взглядах на жизнь, на отношения между людьми нечто такое ветхозаветное, какая-то нелепая смесь жалостливости ко всем и звенящей искренним восторгом ответственности за все на свете... Да еще чувство долга, воспринимаемое без тени иронии... Остается только руками развести. Сам я не против чувства долга, людей, способных на него, уважаю, но мне-то понятно, что бывают ситуации, когда руководствоваться им уместно, а бывают...

Скажем, нам она ничего не должна вроде — не ей же в институты поступать, но ведь она же до слез доходит, когда у нее уроки не получаются или среди сочинений оказывается много слабых, мучается из-за того, что ее уроки, планы которых она бессонными ночами разрабатывает, не до всех доходят. Так ведь причина не в планах, планы-то могут быть замечательными. Если бы все от планов зависело, какая бы у нас жизнь была!.. Господи, кому надо, не только карманы, но и за пазуху набьют зерна знаний, которые свет Тamarочка среди нас! Мне, например, вполне достаточно того, что в карманах уместилось, если учитывать мои планы на будущее. Так нет, чувство долга ее трясет, она норовит мне еще подсыпать. Мне не нужно, а она суетится. Но у меня хоть хватает такта и жалости не показывать ей в открытую, что зря она старается. А другие... А Тamarочка страдает. Зачем? Неужели трудно понять, с кем имеешь дело?!

У меня мать, между прочим, такая же. Но она ведь другого поколения, иной закалки, ее не прошибешь ничем. Когда доходишь до «порученного ей дела» — тут стена, железобетон. А Тamarочка же к нам ближе, должна понимать. Но вот поди ж ты...

Я глянул в сторону наших. Катя сразу вздернулась, а потом вдруг жалко, как баба деревенская, губки свои крашенные ладошкой прикрыла. Откуда в ней это, никак понять не могу. Не от мамы же — это я видел. От прабабки какой-то гены донесли, сберегли, вот и проглянет вдруг в семнадцатилетней девчонке восьмидесятых годов нашего века темная, забитая, готовая над каждым слезу уронить крестьянка с полотна какого-нибудь передвижника — такое беспросветное горе на лице, такая печаль... Виталик рядом с ней тоже повернулся, по кадку себя щелкнул и подмигнул: припасено, мол. Успокойл. Ну, с этим никакие гены не сладят.

Однажды Тamarочка призналась мне, что бывают минуты, когда она боится нас. «Мне кажется, что вы не знаете пощады. Может быть, потому, что у нас разные представления о добре и зле...» Она грустно, словно извиняясь передо мной за неведомую вину, улыбнулась. «Я понимаю, что это не очень умно звучит, но мне все-таки кажется, что мы были другими в ваши годы. Многие из вас кажутся мне какими-то инопланетянами. Пришельцами! Особенно на какой-нибудь тусовке». Тamarочка нервно поехала. «Я ненавижу это слово! И еще массу других слов, которые вы говорите, меня трясет от них... Но самое страшное — глаза и лица. Это уже страшно по-настоящему... А как вы смеетесь иногда, над чем...»

Я не верил собственным ушам. Ну, нес бы это кто

такой, — сказала. — Пока. Но я не знаю, что будет с ним через десять лет. Не знаю и боюсь. Смотрю на него, когда он спит, такой теплый, смешной, беззащитный, и боюсь. Неужели у него будет такое лицо, такой смех?.. И он будет смотреть на меня пустыми глазами?.. Ей было действительно жутко, и я подумал, сколько же ей надо сил, чтобы каждый день идти в школу, входить в класс... Может быть, потому она так мучит себя, что считает себя виноватой?

Третьякова вдруг слышно вздохнула: «Ой!» Я повернулся к ней, она, видимо, сама не ожидавшая, что получится у нее выдох вслух, аж вздрогнула от испуга и улыбнулась так жалко, что я отвернулся.

Попал я в этот класс чуть больше года назад. Мать наконец за свою двадцатилетнюю износную службу в конторе удостоилась двухкомнатной квартиры в другом конце города, и перед семьей встал во весь рост вопрос: как быть с ребенком? То есть со мной. До старой школы полтора часа езды в один конец, а в новую переходить, когда уже в девятом классе почти четверть отучился, — страшно. Уточню: это родителям было страшно, мне — ничуть. Я матери так и сказал. Подумаешь, незнакомые учителя. Что они — не люди? Такие же. Может, и поприятнее. Отец, как обычно, отмалчивался до последнего — то ли просто не решался вступать в разговор после того, что у нас с ним было, — потом вдруг встрял, по обыкновению повернув все в другие ворота.

— Ну, учителя ладно. Есть голова на плечах — никакие учителя не страшны. А ребят не боишься потерять?

— Каких ребят? — не сразу сообразил я.

— Друзей своих школьных, товарищей, — уточнил отец, копясь сосредоточенно кисточкой в банке с засохшим клеем. Верный признак того, что говорит о серьезном. У него всегда так: чуть что важное обсуждают, что и его волнует, обязательно какую-нибудь дребедень в руках начинает вертеть, рассматривать ее, будто ничего сейчас важнее для него нет, и голос такой летучий становится, как будто ветерок в окно с улицы доносит, не всегда беззаберезь, о чем речь. И сразу в голосе слышится безнадежность, готовность уступить.

— Уедем далеко, телефона там нет, — вяло бормотал, надолго вдруг замолкая, отец. Клей он уже оставил в покое, взялся за рукописи, которые принесла мать накануне. — В городах сейчас люди пропадают без телефона... А если еще живут в разных концах... А тут все-таки друзья детства... Уйдешь из школы, так и затеряешься... Не жалко?

У отца этот пункт — друзья детства, одноклассники-однокашники, переулки, в которых гонялись друг за другом, играя в «казаки-разбойники», стывали двор на двор, какие-то столовки и пивнушки, где гремели студенческие споры — я так и не разобрался, о чем, — бойцы первых, самых первых — здесь отец щурится, смотрит в окно, обязательно начинает улыбаться — стройотрядов...

Я ему тогда и выдал. И так складно, потому что накопилось — столько я про его одноклассников-однокашников наслушался.

— «Ребята из нашего класса!», «Парни с нашего курса!» — торжественно провозгласил я. И, кажется, даже руки воздел в восторге. — Ну и? Дальше что?.. Да разве ты сам их выбрал из миллионов двуногих?.. По собственному желанию?.. Мать привела тебя за ручку именно в эту школу, завуч, составляя списки, сунул именно в этот класс. Завуч — господь бог! Живи

Игорь СЕРКОВ

ПРЕВЕТЕНА

другой, я бы только ржал про себя от восторга, а тут — Тamarочка, свой человек...

«А ваши родители? Сколько их приходят ко мне и просят помочь. Они смотрят на меня, плачут, а мне нечего им сказать. Как им объяснить, почему вы становитесь такими и в чем их вина? Раньше мне казалось, что я знаю, что ответить, а теперь...»

Тут я несколько пришел в себя и спросил: «А как же ваш сынишка? Ведь он тоже скоро вырастет...» Но она была готова, она даже, по-моему, ждала этого вопроса, наверное, часто задавала его себе. «Он не

с тем, что он избрал для тебя... А может, тот, кто мог бы быть действительно единственным другом, сидит за стеной в соседнем классе, а ты даже не подозреваешь о его существовании? Тебе это не приходило в голову? А вдруг за стеной даже не он, а она! Единственная!... Здесь я вроде бы даже запел. — А по воле завуча рядом с тобой мырма, на которую и смотреть не хочется? Что же, покладасто выискивать в ней несуществующие достоинства!.. Ну уж нет! Это не для меня. Обманывать сам себя я не собираюсь. Почему бы не попробовать ткнуться в другую

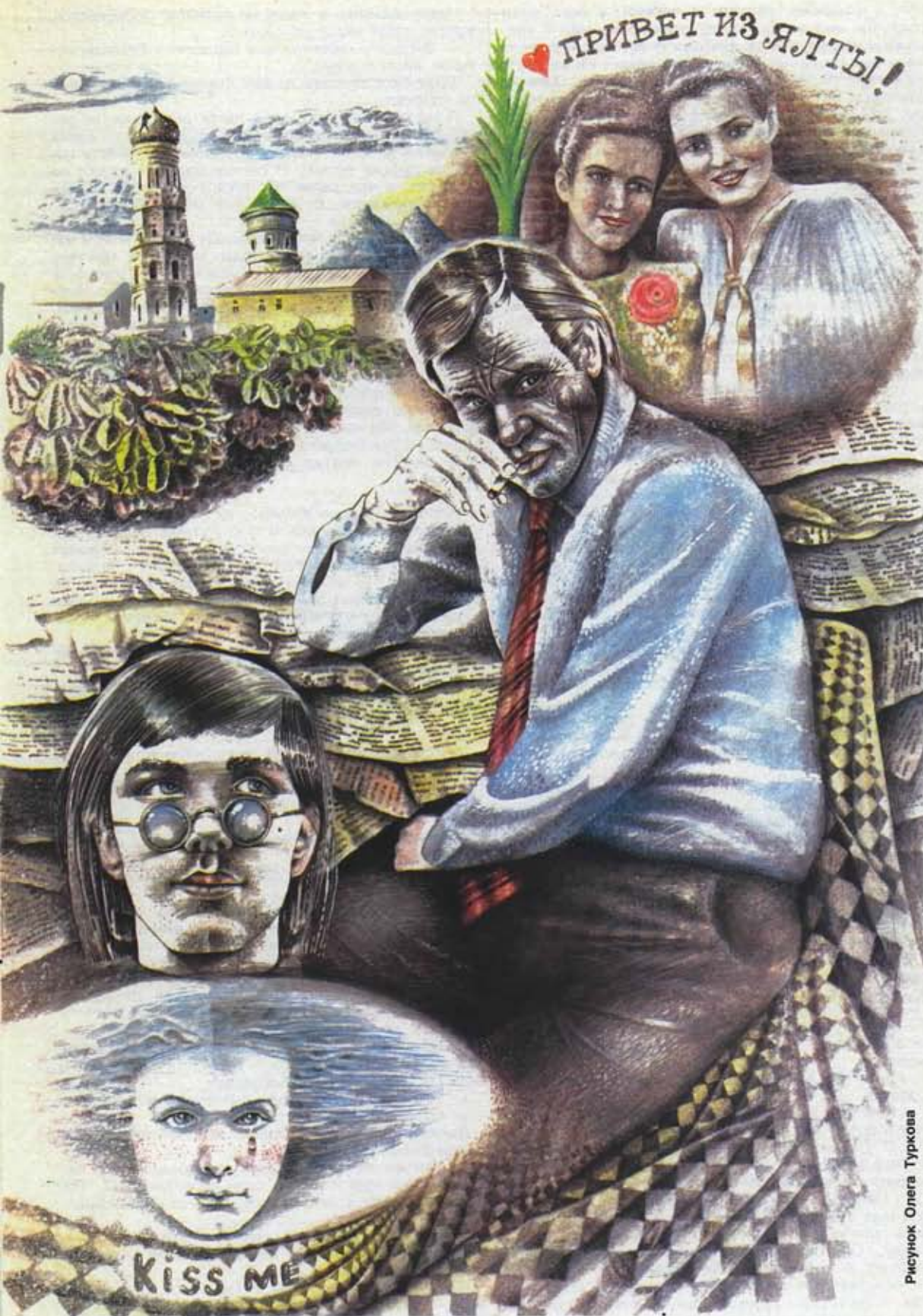

Рисунок Олега Туркова

ЕНТ

группу двуногих: может, удача именно там?.. Я готов рискнуть, понимаешь?! Чтобы потом не изводить себя всю жизнь: а что было бы, если бы...

Тут мой запас отработанных пассажей иссяк, а отец вдруг тихо произнес:

— Ты знаешь, друзья — это не просто взаимная симпатия. Друзья — это совместное прошлое... Это совместно прожитая жизнь, которая уже не только твоя, а ваша... общая... Понимаешь, это прошлое уже не изменишь, оно всегда будет таким, какое есть. А ты в нем с теми, кто был с тобой... Это связывает.

И новым двуногим, какими бы прекрасными они ни были, туда уже не попасть... Теряя старых друзей, теряешь свое прошлое. А без него уютно, холодно дует...

Похоже, он тоже говорил вещи, им самим про себя уже давно и не раз произнесенные. Не знаю, вник ли он в мои слова, а я, хотя и запомнил, что он говорил, только теперь начинаю понимать, что он сказал...

Отца последнее время явно тянет ко мне. Я вижу, как хочется ему, чтобы я был открыт с ним в ответ на его открытость. Он тянется, ничего не может с собой поделать, даже нарываясь на мою грубость, терпеливо сносит мое досадливое молчание — я часто даже не поворачиваю голову, когда он входит в мою комнатенку, увешанную плакатами, — он уходит и возвращается опять... И в то же время он опасается меня, боится, что посмеюсь над этой запоздавшей тягой, которая стала так сильна в нем... И правильно боится. Я научился во всех своих делах обходиться без него, умею жить без него, и он сам виноват в том, что это произошло.

Мой отец страдал болезнью, насколько мне известно, поразившей многих из его поколения, — его ма-

нила Сибирь. Он был строитель и почти не жил с нами. Ему было тесно и скучно в городе, где он родился, где жили его жена и сын, он хотел участвовать в событиях эпохальных, месить и переустраивать землю своими руками, а мать не могла быть рядом с ним, как истинная боевая подруга, — ей был противопоказан климат тех мест, куда забирался отец. Она его понимала и никогда не удерживала. Зато какие письма он катал ей, пожираемый гнусом, скрюченный нечеловеческими морозами! С каким выражением зачитывала она мне куски из них! Помню, например: «Люди здесь разные. Есть такие, что, как пираты, гребут и тащат под себя. Сознания у таких ни на грош — не щадят никого, ни людей, ни зверье, ни птицу, ни природу. Лишь бы урвать свое, взять, что можно, подчистую — и поминать как звали... Но сколько здесь людей совсем иных, людей удивительных! Людей бескорыстных, отдающих все, чтобы подарить этим суровым местам тепло...» Не уверен, что ради подобных открытий стоило забираться столь далеко — людей разных и у нас хватает. Но мать его понимала. Когда я стал постарше, она говорила мне, что есть порывы, от которых человека нельзя удерживать, иначе он ломается на всю жизнь и становится несчастен. Понять эту метафизику мне было не по уму, и я просто выучился жить без отца.

А вот теперь его, видите ли, потянуло ко мне.

Кстати, сибирская эпопея закончилась провалом. Какие-то деятели, подчинявшиеся отцу, нарушили технику безопасности — в неразберихе пусковой стройки стали распылять краску пульверизаторами в помещении, где их категорически запрещалось использовать, занялся пожар, отец, прибыв на место, полез в огонь, его подмяло балкой, размозжило вдребезги правую ногу, пока его вытаскивали, у него здорово обгорела спина. Он потом долго лечился, его не судили, потому что жертв не было, если не считать его самого, а тихо проводили на пенсию по инвалидности.

Недавно же я узнал, что приказ работать пульверизаторами отдал друг отца, его одноклассник по институту, с которым он вместе мотался по Сибири все эти годы. Так что совместного прошлого у них было хоть отбавляй. Этот деятель по-прежнему там, сделал солидную карьеру. «Он организатор, каких поискать, я просто люблюсь на него!» — писал как-то матери отец, — но после истории с пожаром они не встречались. Этому человеку было бы очень тяжело с отцом. Забыть, постараться забыть, ничего не знать о нем, а для этого не видется, оказалось легче и полезнее для жизни и продвижения наверх. Его можно понять. Видеть постоянно человека, который спас тебя, прикрыл, а сам пострадал, думать все время о том, чем ему отплатить, мучиться бесконечно своей виной — такого никому не пожелаешь. Этот психологический нюанс мне растолковала мать. И вид у нее при этом был такой, что вертевшийся у меня на языке вопрос: «А то, что отец испортил свою жизнь, — это как? Нормально?» — я так и не сумел задать. С матерью у меня часто так — я останавливаюсь, потому что слишком хорошо вижу, как ей будет больно от моих слов, в которые я не вкладываю никакого особого смысла. И я молчу.

А как-то раз мне пришла в голову занятная мысль: если бы отец вернулся удачливым победителем — звания, награды, должности, признания, перспективы, — что тогда? Я честно задумался... Думаю, меня бы тянуло к нему. Молодые любят успех, высоко ценят удачу и признание. Родители, помните об этом! Мы так устроены — что тут изменишь? Вам остается только учитывать это.

Но надо отдать отцу должное — он никогда не предъявлял мне претензий. Не жаловался дрожащим от обиды голосом, не донимал попреками в неблагодарности и холодности — этим проклятием, которое налагают родители на своих детей, достигших более или менее разумного возраста и какой-то самостоятельности, обнаруживших в жизни свои, отдельные от родительских интересы.

Правда, как-то не вынесла мать. Он мне что-то посоветовал, а я сказал, что меня мало интересуют его советы. Не надо меня учить. Я сам разберусь. Самостоятельно. Я уже давно привык к тому, что во всем нужно разбираться самому. Вы меня приучили жить своим умом. Пока ты вершил трудовые подвиги вдали от дома, я тут сам разбирался, что к чему и что почему!..

Когда отец прохромал из комнаты и аккуратно прикрыл за собой дверь, мать повернулась ко мне.

— Почему ты так с ним разговариваешь?!

В ее голосе были боль и смятение.

— Как? — поинтересовался я.

— Почему ты так с ним разговариваешь? — Она с усилием раздвигала подрагивающие губы.

— Да как в конце концов? — заорал я. Заорал ненужно громко, потому что понимал, что виноват.

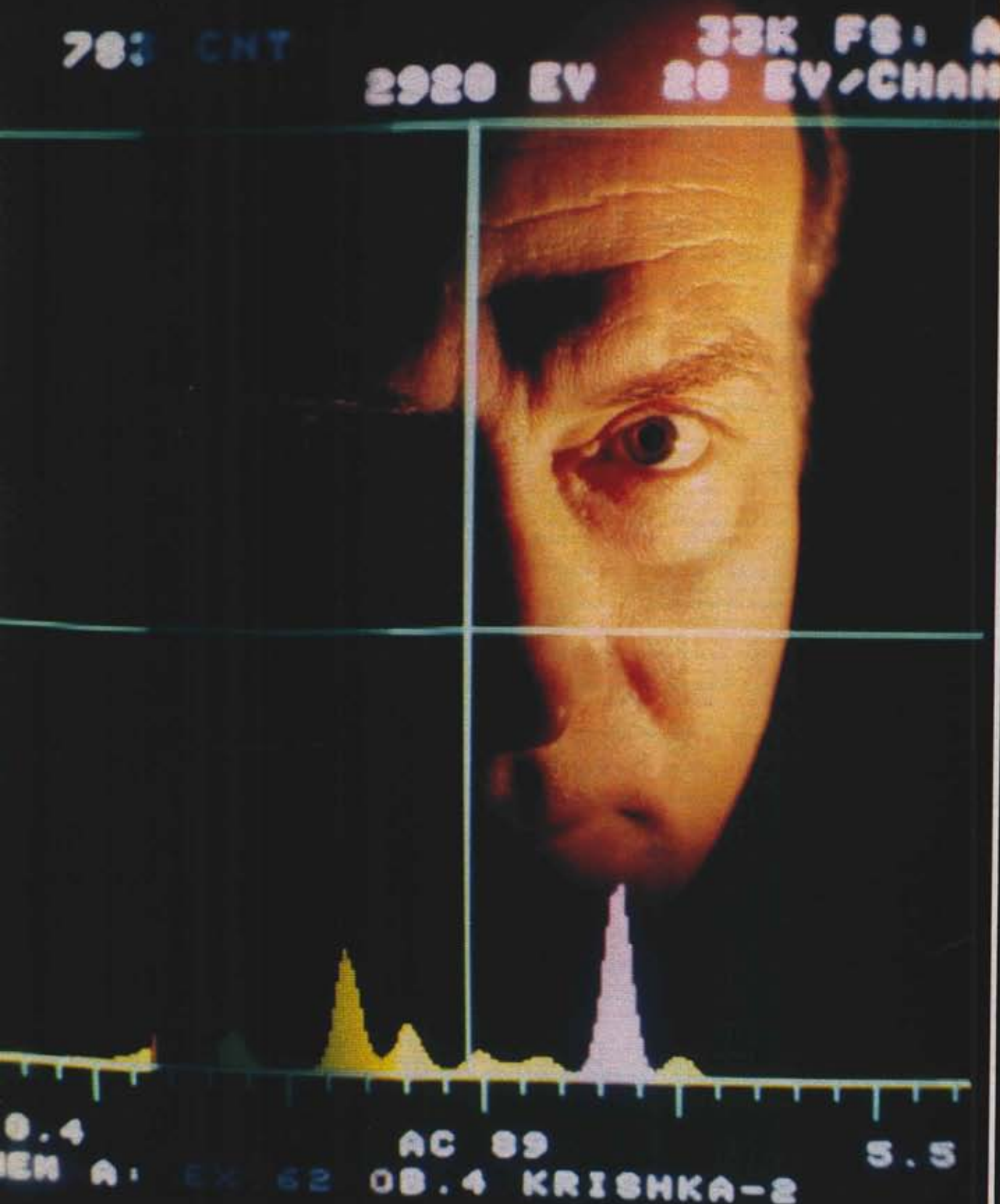
— Так. Ты сам прекрасно знаешь как, — вдруг совершенно спокойно и подчеркнута сухо сказала она. — И не притворяйся дурачком. Глупо считать, что весь мир виноват перед тобой.

— Я про мир, кажется, ничего не говорил, — пробурчал я. — Если он не виноват, то уж я тем более.

ЭКСПЕРТИЗА

ФИЛОЛОГ,
АНТРОПОЛОГ И ДРУГИЕ

Старший сержант за конторкой у входа был единственным человеком в милицмейской форме, которого я встретил за день, проведенный в здании ВНИИ МВД СССР. Обстановка тут самая что ни на есть штатская, обращения «товарищ капитан» не услышишь, хотя все без исключения эксперты являются офицерами милиции. Впрочем, как рассказал с улыбкой один из моих собеседников, если объявляется срочная работа (что бывает не так уж и редко) и нужно задержаться до позднего вечера, а то и до утра, выйти в выходные, то при попытке сослаться на семейные обстоятельства начальство деликатно напоминает про погони.

В остальном здесь царство науки. Точнее, целой обшей наук, объединившихся под крышей криминалистики. Очаровательная Зинаида Кибрит из популярного телесериала на протяжении многих лет одна демонстрирует блестящее знание всех отраслей криминалистики. В жизни же существует узкая специализация; свои задачи решают трассологи и баллисты, почерковеды и знатоки дактилоскопии. Пока я назвал представителей так называемой «традиционной» криминалистики, той, которой обучают на юрфаке, в школах милиции. Но в стенах НИИ можно встретить людей многих других профессий — инженеров, медиков, химиков, биологов, почвоведов. В отделе, который занимается проблемами идентификации личности, работает антрополог Сергей Салищенко. А его коллега Елена Азарченкова — кандидат филологических наук.

Про уникальность отпечатков пальцев, не повторяющиеся в природе причудливые узоры папиллярных линий мы слышаны с детства. Но и речь человека, оказывается, совершенно индивидуальна. Не узнаваема — это понятно и без объяснений, — а неповторима. Тембр, акцент, устойчивые речевые обороты, множество иных признаков дают эксперту возможность идентификации.

...Женщина вздрогнула, услышав телефонный звонок. Неужели опять? Этот кошмар начался несколько дней назад. Неизвестный оскорблял, угрожал, требовал денег. Накануне пригрозил, что убьет дочку. В милицию посоветовал не обращаться: там, мол, ничего не докажешь, а тебе же хуже будет. Но женщина все-таки позвонила. И, по совету сотрудника милиции, несколько разговоров с шантажистом записала на магнитофон. Спустя несколько дней подозреваемый был задержан. Поначалу он отрицался, но экспертиза дала категорическое заключение: он.

Существует, кстати, довольно расхожее мнение, что суд не принимает в качестве вещественного доказательства магнитофонные записи, поскольку их можно фальсифицировать. Это неверно. Принимает, если по магнитной ленте имеется заключение экспертизы и, разумеется, если запись сделана в соответствии с законодательством, без нарушения конституционных прав.

— Мы обязательно «засечем» даже самый искусный, сделанный на высоком профессиональном уровне монтаж, — говорит Азарченкова. — Заметит эксперт и то, что записанный фрагмент хоть и не подвергался мон-

тажу, но выхвачен из общего контекста.

Признаюсь, я не совсем понял, что Елена имела в виду под «общим контекстом». Но буквально на следующий день, выходя из метро, стал невольным свидетелем такой сценки: вполне симпатичная девушка выговаривала своему опоздавшему кавалеру: «Я двадцать минут мерзну, тебя дожидаясь. Убью! Я тебя точно когда-нибудь убью!» Записать этот безобидный монолог на магнитофон, отрезать первую фразу, и вот вам угроза убийства.

Был в практике фоноскопической группы и такой случай. Потерпел аварию самолет. В лабораторию передали «черный ящик» с записью последнего разговора экипажа. Как пленку ни «чистили», справиться с помехами не удалось. Сквозь посторонние шумы еле слышно пробивалась фраза: «Реверс убрать». Установить по голосу, кто ее произносил, не удалось. Между тем значила эта фраза очень много. Помните знаменитое: казнить нельзя помиловать. Смысл в корне меняется от того, в каком месте будет поставлена запятая. Вот и здесь от того, с какой интонацией было сказано «реверс убрать», было ли это приказом или вопросом, во многом зависело выяснение причин катастрофы.

сфере, не только в этой) человеку, считающему себя специалистом высокого класса, переступить через профессиональную гордость и сказать: «Я не могу». И нужно ли говорить о том, какую огромную ответственность берет на себя эксперт, выносящий категоричное заключение, как дорого может обойтись его ошибка.

В криминалистической лаборатории ВНИИ МВД СССР эксперты дают около 65 процентов категорических заключений.

ЦИФРЫ НА ЯРЛЫЧКАХ

Есть такая древняя притча. Бедуин в пустыне потерял верблюда. Он идет его искать и встречает путника.

— Эй, друг,— говорит бедуин,— ты верблюда часом не встречал?

— Рыжего?

— Да!

— Слепого на правый глаз?

— Да! Да!

— Хромого на заднюю левую ногу?

— Все точно. Мой верблюд. Где он?

— Не встречал.

Бедуин, понятное дело, не верит, тянет путника к судье, обвиняет в присвоении чужого имущества. А оказывается, тот и вправду верблюда в глаза не видел. И вовсе он не вор, а первый попавший в историю криминалист. Масть верблюда подсказал ему зацепившийся за пустынное деревце клочок рыжей шерсти, о хромоте животного рассказал отпечаток следа на дороге, о слепоте — колючки, объединенные только по левую сторону обочины.

На протяжении столетий эта притча была своеобразным эталоном криминалистики. Пустяки это, дорогой читатель, а не эталон! Очаровательные девушки из того же отдела идентификации личности не то что верблюда по колючкам вычислят — по нескольким строчкам письма они готовы определить пол, приблизительный возраст, образовательный уровень, сферу профессиональных занятий, а иногда и душевное состояние автора письма. Причем с весьма высокой степенью точности. Тут поневоле забудешь про совет не писать о волшебниках.

— И как звали бабушку автора письма, тоже скажете? — поинтересовался я у почерковеда Ольги Мурашовой.

— Зря смеетесь. Почерковедение имеет давнюю историю. И весьма сложную судьбу. В свое время с легкой руки людей, точно знавших, что чудес не бывает, графология была объявлена лженаукой и изгнана из криминалистики. Но вот вернулась — обогащенная техническими возможностями конца XX века, современными математическими методами. И служит поиску истины.

Случается, что на долю почерковедов выпадают задания, по-настоящему радующие душу, — когда библиотеки и научные архивы обращаются с просьбой установить подлинность той или иной рукописи, дать заключение об авторстве. Но это, повторяю, праздники, светлые лучи в темном царстве поддельных накладных, фальшивых нарядов, исправленных трудовых книжек. А основное оружие почерковеда — микроскоп, лупа и интуиция. Без нее, интуиции, можно добросовестно пройти весь курс профессиональной подготовки, но так и не стать мастером.

...В ювелирном магазине в течение

Настоящие или фальшивые?

Исповедание позволяет сделать категорическое заключение: этот патрон отстрелян из пистолета №...

Из миллиардов узоров папиллярных линий нет и пары одинаковых.

— В тот раз выяснили,— кивает Елена.— Но вообще я вас очень прошу: не пишите о нас, как о волшебниках, которые все могут. Это на экране истина выясняется легко и непринужденно, в считанные часы. А на самом деле каждая наша экспертиза — это сложная, кропотливая, трудоемкая работа. И, к сожалению, не всегда успешная.

Три варианта ответа может дать эксперт. Заявить, что проведение экспертизы не представляется возможным из-за недостаточности данных либо ограниченных возможностей науки, дать заключение вероятностное и, наконец, заключение категорическое. Как же сложно (в любой

нескольких лет орудовала группа расхитителей. На ярлычках-ценниках преступники переправляли и дописывали цифры. Разница в стоимости, достигавшая порой сотен рублей на одном изделии, шла в карман мошенников. Что было в распоряжении экспертов? Ни строчки, ни полстрочки, одни лишь крохотные цифры на ярлыках. Но и их Ольга Мурашовой и ее коллеге Ольге Белоусовой хватило, чтобы дать категорическое заключение об «исполнителе».

ПРЕСТУПНИК... УНОСИТ СЛЕДЫ

Точного адреса экспертиза не назвала. Заключение было сформулировано следующим образом: сельская местность, территория, освоенная человеком (то есть с культурной растительностью), находится неподалеку от реки и в непосредственной близости от березовой рощи, есть вязы. Этой информации работникам уголовного розыска хватило для того, чтобы обнаружить в нескольких десятках километров от Москвы устроенный преступником тайник. Сведения о его местонахождении сообщили экспертам... микрочастицы почвы, обнаруженные на одежде подозреваемых.

— Еще со времен Шерлока Холмса известно, что преступник обязательно оставляет хоть какие-нибудь следы на месте преступления, — напоминает мне Андрей Лазарев, офицер милиции, работающий над кандидатской по... биологии. — Но мало кто знает, что с еще большей обязательностью он уносит следы с собой — на обуви, одежде, похищенных вещах.

Когда говорят о почве, то на ум первым делом приходят комья грязи, осыпавшиеся с ног преступника. Случается, конечно, и такое, но Лазарев главным образом имеет дело с микрочастицами, практически с пылью. По ней можно безошибочно определить, городского она или сельского происхождения, найти массу иных характерных признаков. Так, споро-пыльцевой анализ почвы однажды привел экспертов прямо к... ботанический сад — обнаружилось присутствие столь разнообразной растительности, что иное место события просто исключалось.

— Отпечатки пальцев можно стереть, горелые спички унести с собой, но от почвы преступнику не деться никуда, — говорит Лазарев. — Индивидуальных же особенностей у нее так много, что, скажем, по пыли, содержащейся внутри радиоприемника, можно сделать категорическое заключение, что эта аппаратура на протяжении длительного времени находилась в данном конкретном помещении.

Переведем сказанное с языка экспертизы на общедоступный. Предположим, у вас украли магнитофон «Сони». Обращаетесь в милицию, она находит магнитофон у гражданина Н. «Помилуйте, — говорит Н., — это мой «Сони». Чем вы докажете, что не мой?»

И в самом деле, чем? Номера вы, как на грех, не помните. Царапина на корпусе? «Точно, — вспоминает Н., — неделю назад я его за гвоздь зацепил. Так расстроился». А анализ пыли подтвердит: магнитофон долго стоял у вас в комнате. Это уже весомое доказательство.

ЦАРИЦА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ?

Этим пыльным титулом не раз величали криминалистическую экспертизу. Давайте вновь обратимся к главному источнику наших познаний о возможностях криминалистики — детективу.

Матерый преступник — в «несознанке». Со следователем на допросах беседует с ехидной ухмылкой, напоминая, что это на нем висит бремя доказывания; показания единственного свидетеля отвергает со ссылкой на его преклонный возраст и слабое зрение, корочку, чувствует себя в полной безопасности. Но вот следователь, старательно маскируя за спокойно-безразличным тоном свое грядущее торжество, протягивает преступнику листок бумаги — результаты криминалистической экспертизы. Преступник читает, бледнеет, потом глухо произносит: «Пишите. Я скажу все».

Экспертиза. Само это слово говорит о непредвзятости, точности, солидности. Почтение к науке и доверие к ее выводам испытывают не только подследственные, но и прокуроры, судьи... А между тем криминалистическая экспертиза — одна из разновидностей человеческой деятельности. И, разумеется, подвержена всему человеческому: ошибкам, накладкам, случается, даже злоупотреблениям.

— Вопреки расхожей фразе экспертиза не является и не может являться «царицей доказательств», — разочаровывает меня заместитель начальника ВНИИ МВД генерал-майор милиции Владимир Францевич Статкус. — Она — важнейший, эффективный способ оказания следственным и судебным органам помощи в деле установления истины, способ, базирующийся на серьезной научной основе. Но не главный, не исключительный, не единственный... Исследование вещественных доказательств ведется в неразрывном комплексе с изучением показаний свидетелей, признаний обвиняемого, иных доказательств по делу. Жизнь подкидывает подчас удивительные задачки. Случается, берут на себя вину люди, преступления не совершавшие; свидетели уверенно «опознают» тех, кого никогда в глаза не видели, а следы на месте преступления оставляют люди, никакого отношения к преступлению не имеющие. Поэтому хочу повторить еще раз: криминалистическая экспертиза — это не истина в последней инстанции, а помощь в установлении истины. И следователи, и судьи должны помнить об этом, знакомясь с результатами экспертизы.

НИКАКИХ ПРОБЛЕМ?

Долгие годы обо всем, что прямо или косвенно связано с деятельностью органов внутренних дел, было принято писать именно так: оптимистично, розово, вдохновляюще. Преступность снижалась из года в год, раскрываемость приближалась к стопроцентной, кадры были как на подбор — честные, самоотверженные, квалифицированные. Потом выяснилось, что все это, мягко говоря, не совсем так — и про снижение, и про раскрываемость, и про кадры. Ну, а что происходит в криминалистике? Глядя на размещенную в институте аппаратуру, словно живьем взятую из научно-фантастического фильма о далеком будущем, я вспоминал знаменитый «следственный чемодан» — основное орудие производства эксперта-криминалиста районного звена. Содержимое его хоть и подвергалось некоторым усовершенствованиям, но принципиальных изменений не претерпевало десятилетиями. Отпечатки пальцев и следы протектора имеющихся в чемодане порошками и пастами закрепить можно, осколки разбитой фары без особого труда собираются пинцетом довоенного образца, но для споро-пыльцевого анализа обычного инструментария уже мало. Да и выпускники отделения структурной линг-

вистики и аспиранты биофака вряд ли трудятся в каком-нибудь горюделе... В криминалистической лаборатории ВНИИ МВД в год выполняется около двух тысяч экспертиз. Для ее сотрудников нагрузка, конечно, немалая, но для страны — капля в море. Так что же такое ВНИИ? Общественно-показательное учреждение, радующее министерский глаз?

— Ни в коем случае! — категорично возражает Владимир Францевич. — Проблемы у нас, конечно, есть, но совершенно иного плана. Не буду утверждать, что «следственный чемодан» — это предел мечтаний криминалиста. Смотришь порой на оборудование, выпускаемое специализированными (очень важный момент!) фирмами, — и, честное слово, зависть берет! Компактное, эстетичное, надежное. И позволяющее значительно повысить надежность сбора и фиксации вещественных доказательств. Сошлюсь только на один пример: мы испытываем острую нужду в экспресс-определителях наркотиков. За рубежом они есть, но закупка их на валюту для каждого райотдела — дело нереальное, а наша промышленность выпуск их пока только налаживает. Есть и многие другие потребности, однако само по себе сравнение технических возможностей нашей лаборатории и районного эксперта попросту неправомерно. Главное дело эксперта-криминалиста из райотдела внутренних дел (а в этом звене трудится примерно две трети экспертов) — выехать на место происшествия и грамотно зафиксировать имеющиеся вещественные доказательства. Простые экспертизы, не требующие применения специальной техники (именно техники, потому что квалификацией многие работники на местах обладают самой высокой), он делает сам. Для более сложных случаев существуют экспертно-криминалистические отделы при областных управлениях, республиканских министерствах, наконец, для особо сложных случаев есть наша лаборатория.

При необходимости не только работник главного следственного управления союзного министерства, но и любой следователь, если он столкнется с особо трудной ситуацией, может назначить экспертизу непосредственно к нам. Выполняются у нас и повторные экспертизы. Наконец, одна из главных задач ВНИИ — это разработка методик исследования вещественных доказательств. Методики эти должны жестко «привязываться» к возможностям низового звена. Попробую проиллюстрировать это на конкретных примерах. Известно, скажем, что угонщики автомобилей перебивают номера двигателей и кузовов, причем делают это порой весьма искусно. Нашими сотрудниками разработана методика, при помощи которой обнаружить эту перебивку может любой работник ГАИ. Не исследовать технику исполнения — это уже не его забота, — а именно обнаружить. И, соответственно, принять меры к задержанию. Или тот же споро-пыльцевой анализ. Районному эксперту он, конечно, не под силу — у него нет (и не должно быть) ни соответствующего оборудования, ни квалификации. А вот собрать, пользуясь нашей методикой, исходный материал для такого анализа он вполне может...

«Дежурная группа, на выезд!» По этой команде, каждый день и каждую ночь звучащей в районных и городских отделах внутренних дел, вместе со следователем, инспектором уголовного розыска, а иногда еще кинологом и судмедэкспертом место в машине занимает эксперт-криминалист. Статистика утверждает: его участие в первичном осмотре места происшествия в три раза повышает эффективность раскрытия преступления.

Владимир ФИРСОВ

■ Когда от тишины устанешь,
В которой не видать ни зги,
И сам себе немилым станешь,
Возьми,
И от себя сбеги.

Решись!
Хотя бы раз попробуй.
Как мог поверить ты в покой,
Когда жива людская злоба
И злой цинизм течет рекой,
Когда и молодость едва ли
Поймет,
Во что поверил ты,
Посколь старательно
Стирали
Той веры чистые черты,

■ Когда давно
Кричит от боли
Родная Ленину земля:
С тех пор,
Когда по чьей-то воле
Уняли скорость корабля.

Уняли,
Не почистив днище
У корабля, чей долг путь...
И парус пермонтовский ищет
Покой,
Чтоб в бурях отдохнуть!..

■ Не стоит долго очи хмурить
И жить в тиши, что под рукой,
Пора понять,
Что только в буре
И в очищенье есть покой.

И не пугайся перестройки,
Она воистину идет,
Коль сердцу милая Русь-тройка
Давно уж ускоренья ждет!

■ Выхожу один я на дорогу...
М. Ю. Лермонтов

Как горько
В полночной тревоге,
Забыв про себя самого,
Бродить по пустынной дороге
И ждать неизвестно чего...

■ Душа не ждала,
А дождалась,
Вернее сказать, дождалась
К природе щемящую жалость,
Что в полночь опять родилась.

Давно я на родине не был...
И с болью в душе сознаю
Под лунно-мерцающим небом,
Что часто неверно пою.

Пою, унимая усталость,
Про край — бесконечно родной,
Хоть в нем ничего не осталось
От жизни, воспетою мной.

МОЕМУ СОВРЕМЕННОМУ

Дорога не та, что издревле
Роднила людские пути...
Родные до боли деревни,
Когда ж вас успели снести?

Под лунным
Широким разливом
На месте родных деревень —
Туман лебеды да крапивы
Туманят грядущего день.
Куда ж мы деревни девали,
Что выжили даже в войну,
Что с древних времен одевали,
Что с тех же времен обували,
И тело, и дух врачевали,
К тому же кормили страну?!

Кто перед грядущим ответит
За горькую скорбь деревень!
И времени горестный ветер
Иссушит траву-одоленю.

На ту животворную траву,
В которую верил народ,
Уже не имеем мы права,
Как большего ждать
В недород.

Но мы не беспечны издревле.
И выкрикнуть хочется мне:
— О, как не хватает
Деревни
Великой Советской стране!

ЛУННЫЙ ЗАПАХ

Озарив на полсвета
Снегов полотно,
Запах лунного света
Просочился в окно.

Просочился и замер,
Тоски не тая,
Лунный отсвет с глазами
Неземного жилья.

Заглянул он понуро
В непришедшие сны.
И сиротством пахнуло
От безлюдной луны.

Земля моя, родимая, родная,
Родильный дом Грядущего,
Скажи,
Чего на этом свете я не знаю,
Чтоб смог забыть,—
Скажи и укажи.

Земля моя!
Я по твоим заветам
Немало видел
И немало знал.
Я не делил тебя
На части света,
Единою всегда воспринимал.

С тобой я познавал
России села.
Глазами видя,
Осязал душой
Полет пчелы,
И взлет шмеля тяжелый,
И рой стрижей
Над реющей грозой.

С тобой, земля,
Не сетуя на беды,
Что выпадали мне
В стране родной,
Я жил величьем
И огнем Победы
И поклонялся
Лишь тебе одной.

Я поклонялся
И цветам, и травам,
Всему живому на моем пути,
Я поклонялся
Вековым дубравам,
Пока их не успели извести.

Я памяти всех павших
Поклонялся.
Не зная миру подлинной цены,
Я поклонялся,
Я и преклонялся
Перед людьми,
Пришедшими с войны,

Что к дому шли,
Да не застали дома,
Что, строя дом,
Построили страну,
Рыдая над судьбою
Дяди Тома,
Над хижинкой,
Не ведавшей войну.

Какой бы ни свирепствовал мороз,
Не стыннут сеном груженные сани,
На мельнице не молкнет водосброс.
И в омуте вода не замерзает.

Какой бы ни свирепствовал мороз,
Летят с горы
С ребятами салазки.
По вечерам на бабушкины сказки,
Как сотни лет назад,
Все тот же спрос...

Какой бы ни свирепствовал мороз,
Я верил в то,
Что выживут деревья,
Что травы снова
Выйдут в полный рост,
Что солнце лета
Встанет над деревней...

Какой бы ни свирепствовал мороз,
Я нес в душе тепло,
Что нужно людям.
К тому ж меня не волновал
Вопрос:
— Придет весна или ее не будет?

Всем казалось,
Зима бесконечно продлится.
А гляжу —
Возникает, как вечность,
Трава...
У меня во дворе
Поселилась синица.
Как же сладко от мысли:
Синица жива!..

Почему ж мне ночами,
Бывает, не спится?
Верю в то, что на радость,
А не на беду
У меня во дворе
Поселилась синица
И я песню ее
Аж до солнышка жду.

И до солнца,
Что снова к Москве устремится,
Начинает она
Жизни точный отсчет...
У меня во дворе
Поселилась синица,
Чтобы помнить,
Как вечное Время течет.

Чтоб не смог позабыть

Житель всякой столицы,
Что Природу
Должны мы как Храм уберечь,
У меня во дворе
Поселилась синица.
Как прекрасна
Ее бескорыстная речь!

Я хочу, чтобы время
Смогло повториться,
Чтоб праправнук
Воскликнул мои же слова:
— У меня во дворе
Поселилась синица.
Ах, как сладко от мысли:
Синица — жива!

Чтоб с днем грядущим
Быть на высоте,
Преодолев веков и свет, и тьму,
Цените, люди, тягу к красоте
Не менее, чем красоту саму.

Что красота!
Пребудет и пройдет,
По сути дела разная везде.
А тяга к красоте не подведет,
Извечная, как тяга к высоте.

— Я люблю тебя...—
Как это сказано просто,
Даже гении проще
Не могут сказать,
— Я люблю тебя...—
Вроде чистая проза.
А попробуй в стихах
О любви написать!..

Просыпаюсь опять и опять
С петухами.
На рассвете все ближе,
Ясней и видней.
И опять дерзновенно
Пытаюсь стихами
Рассказать о любви,
Бесконечно моей.

Петухи надрываются
Голосом шалым.
И опять сознаю я,
Встречая рассвет:
Славословие
Вряд ли любовь украшало,
Хоть к словам о любви
Равнодушия нет.

И опять твой приход
Начинаю я с прозы,
Не сумею ничею
О любви написать:
— Я люблю тебя...—
Как это ясно и просто,—
Даже гении
Проще не могут сказать!

Смородина солнцем прогрета.
Спокоен родительский кров.
И веет устойчивым летом
От свеженаколотых дров.

Малиной пропах и крапивой,
Ботвой помидорною день.
И ловит собака лениво
Полдnevную скудную тень.

Вот тень,
Удлиняясь степенно,
В пшенице синит васильки.
И веет привяленным сеном
С дальних лугов у реки.

Сине васильковое лето,
Хотя васильки и в пыли.
И маковкой солнца согрето
Все сущее мирной земли.

Ничто не вечно.
Вечно — небо
Да хлеб, родившийся под ним.
В непреходящей тяге к хлебу
Мы верность небу сохраним.
Да будут святы тяга к небу
И хлеб, родившийся под ним!

И вновь была пора любви.
И жить хотелось вновь.
И снова пели соловьи,
И снова — про любовь.
Про вешний сад, что холодел,
Не распускаясь цветов,
Поскольку сам их не хотел
Отдать для холодов.
Да, были ночи холодны.
Но пели соловьи
В сопровождении луны
И тишины весны.
И в той весенней тишине,
Что нас лишала слов,
Ты снова доверяла мне
И верность, и любовь.
Ты снова возвращала мне,
Моей душе уют
То ль потому,
Что по весне
Вновь соловьи поют,
То ль потому,
Что жизнь одна,
Другой не будет, нет!
То ль потому,
Что ты нужна
Мне столько зим и лет!..
И верилось душе моей
Под соловьиный взлет,
Что стала ты в любви
Нужней
На сотни лет вперед.

Неужто ты меня любила,
Бескрайней Украины дочь?..
Все, как в стихах.
Да так и было.
Тиха украинская ночь...
На мальвах был настоян воздух,
И с поднебесной высоты,
Как яблоки,
Катились звезды
В ошеломленные сады.
Неужто это вправду было?
И вряд ли вспомню я сейчас,
Чье сердце трепетнее билось
В тот звездной молодости час?
Чьи губы более болели
От сладкой муки поутру,
Когда все звезды облетели,
Как в осень листья на ветру...

Но, как сейчас,
Я вижу очи
Завороженные твои,
Напоминающие ночи,
Настоянные на любви.

Неужто это было?
Было. Со мной,
Не с кем-нибудь другим.
Неужто ты меня любила,
Неужто был тобой любим?..

И вдруг подумалось случайно:
Стихами этими, сейчас
Я разгласил всю сладость тайны,
Что тайною была
Для нас.

Елена КУРЛЯНДЦЕВА

Фото Льва МЕЛИХОВА

История художника начинается просто. Рисовать он любил с детства, и не только любил, знал, что это занятие — самое важное дело, а не «тихие детские игры». Данное от природы чувство цвета, композиции, как абсолютный слух, обнаруживая себя, не дают человеку покоя, требуют выражения.

Когда ему исполнилось двенадцать лет, все определилось — его привезли в Москву в художественную школу. Да, много рисовал, поступил в Суриковский, все было хорошо, но на втором курсе понял: не то... Пошел на монументальное отделение, и все стало на свои места: Иван встретился с «мужским» материалом: железом, камнем, цементом.

Что такое монументальное искусство? Даже профессионалы спорят: то ли украшательство нашей безликой архитектуры, то ли создание единого эмоционально организованного пространства, как это было когда-то, когда храмы расписывали.

В монументальной секции молодому Лубенникову повезло. (А может, он сам умеет свою работу превратить в везение?) Все его работы разные, не повторяют друг друга ни подходом к проблеме, ни ее решением. Первая — оформление и роспись актового зала Трехгорки, работа, посвященная революции 1905 года, ее накалу и неудаче. Нет в решении этой темы ничего привычного, ходульного. Все включено в композицию: и старые кирпичные

стены, и обломанный карниз, и даже стулья — не сбитые в ряды, а разные, как люди. Нет трибуны, кумача на столе. Этот зал для живого разговора, а не для отчетных заседаний.

А сколько споров вызвала семнадцатая молодежная выставка в Москве! Каким необычным показалось ее дизайнерское решение: создать пространство, совершенно не похожее на привычное, с самого начала объяснить зрителю — это не музей, а молодежная выставка — место дискуссий, неожиданных открытий.

Совместно с архитектором А. Скоканом создана самая значительная работа Лубенникова — советский раздел мемориала в Освенциме. Подлинные кино- и фотодокументы, темнота забытых досками окон, тесные коридоры и решетки — пространство, наполненное безысходным страданием, образ мастерской смерти, где все кажется окаменевшим от слез.

Работа над такой темой всегда оставляет след в самом художнике. И вот в живописи Ивана Лубенникова появляется тревога. Иногда она видна сразу, как в «Платформе», страшно безлюдной, будто людей уже не осталось вовсе. А иногда, наоборот, оптимизм его работ, их жизнелюбие выдают внутреннюю напряженность автора, который чем-то темному противопоставляет красоту, радость, любовь.

На выставках «обнаженные» Лубенникова вызывали у кого-то ханжеское смущение, у кого-то пуританский гнев. Даже в книге отзывов была такая запись: «До шестнадцати на выставку не допускать». Смешно, конечно...

Нет, не «писанных красавиц» он видит вокруг себя, среди его героинь и тетки-«воительницы», и напористые «мочалки», бесконечно жующие, грызущие, употребляющие. Автор внимателен и ироничен — это еще одна важная для понимания его живописи и графики черта. Все очень серьезно, но и забавно тоже: поэт, замученный музами, похожая на цветущий танк парикмахерша, обалдевший от модели художник...

Для Лубенникова главный нравственный критерий искусства — искренность, отсутствие надуманной позы. И от зрителя он ждет непредвзятого суждения, чтоб на выставку приходили без заранее приготовленного мнения.

Иван Лубенников — человек открытый. На своей персональной выставке он бывал часто, помногу говорил со зрителями, обсуждал любую тему. Разговоры получались честные и откровенные. Иван говорил: «Кто-то вбил в головы, что художник — слуга народа, вот некоторые приходят и тут же хотят в чужом мировосприятии, творчестве распоряжаться. Нет, я не слуга, да и все мы не слуги, а то хозяев настоящих и не найдется, я — часть народа, нормальная, полная, и не обязан стараться кому-то понравиться. Я работой занят, своей профессией, я не хочу угождать чьим-то вкусам».

Да, язык современной живописи понятен не всем. Но в работах Лубенникова есть нечто, располагающее к пони-

манию. Выставка привлекла много зрителей, и люди, пришедшие случайно, возвращались снова и снова, подчиняясь эмоциональному накалу этих работ.

Иван сочетает талант и мастерство, удачу и редкую работоспособность. Он также активен в жизни, как цвет в его работах. На вернисаже Евгений Евтушенко сказал, что у Ивана «счастливый талант». Что ж, его произведения экспонировались в разных странах и хранятся во многих музеях, таких значительных, как Русский музей и музей Академии художеств, музей современного искусства в ФРГ, Италии и других странах. Западные ценители считают Лубенникова удивительно национальным художником, а наши искусствоведы наоборот — утверждают, что

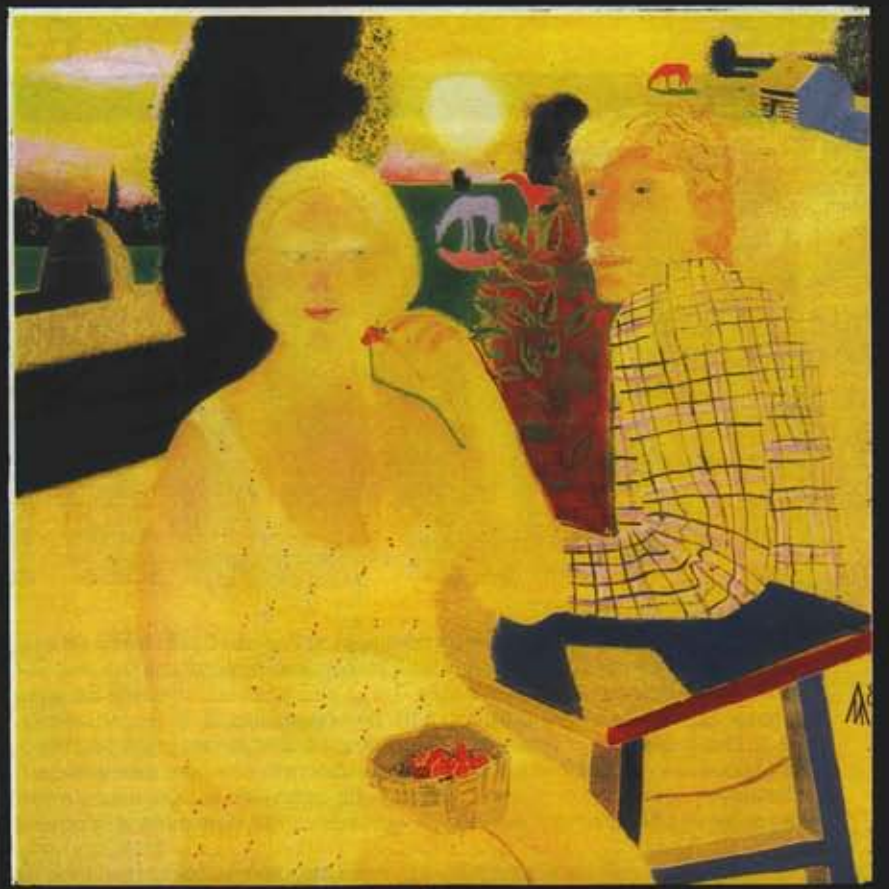
Грехи наши тяжкие.

Весна.

ПЛАТФОРМА

ПАРК

Пастораль.
Окраина.
Портрет Н. Глебовой.

Лубенников близок французской художественной школе. Мнений много. Вот только в истинности его дарования не сомневается никто.

Сейчас он в творческом расцвете, равновесии всех начал, существующих в его взгляде на мир. «Если ты хочешь, чтобы что-то было — делай...», — говорит Иван Лубенников. И делает.

Сумерки.
Кафе «Эль Греко».

КОСМОС НАЧИНАЕТСЯ С ЗЕМЛИ

С руководителем подготовки космонавтов Героем Советского Союза, генерал-полковником авиации Николаем Петровичем Каманиным я познакомился в начале 1961 года. Тогда мне удалось впервые собрать первых Героев Советского Союза А. В. Ляпидевского, М. В. Водопьянова, В. С. Молокова и Н. П. Каманина. Получился очень интересный разговор. Меня поразило тот факт, что в 1934 году двадцатитрехлетний Каманин был назначен командиром группы летчиков по спасению челюскинцев и сам лично вывез с дрейфующей льдины 78 человек из 102, попавших в ледовый плен Арктики.

Каманин совершил, казалось бы, невозможное: организовал поиски затерянного во льдах лагеря челюскинцев на самолетах, совершенно не приспособленных для полетов в Арктике. Вылетая в двадцать девятый раз, летчик Ляпидевский, наконец, обнаружил дрейфующую льдину. А ведь каждый такой полет мог стать последним, ибо вынужденная посадка в Арктике была равносильна смерти. Однако сесть и взлететь с самодельных аэродромов в ледяных торосах тоже было не меньшим риском. Ни один самолет того времени теоретически не мог сесть на такие маленькие «пятячки». Но летчики садились на них вопреки всем правилам и на двухместных самолетах поднимали в воздух по 6—8 человек. Это была опаснейшая работа. Каманин буквально отвечал за нее своей головой...

И вот теперь этот легендарный летчик был руководителем подготовки космонавтов. Конечно же, мне захотелось еще раз встретиться с Николаем Петровичем и поговорить подробнее о прошлой и нынешней его работе. — Могу уделить вам не более... десяти минут! — сухо сказал он. — Вот мой телефон. Позвоните через три дня в двенадцать часов одну минуту! Ровно в 12.00 я набрал его номер. Не отвечает. В 12.01 — поднял трубку. Позже я узнал, что к такой пунктуальности он приучил всех, с кем имел дело. И удивительно обязательным был сам: за многие годы он ни разу не забыл или не отменил назначенной встречи, хотя бывал занят до предела. Я не встречал человека, который ценил бы чужое время больше, чем Каманин.

Из разговора с Николаем Петровичем я узнал, что он ведет дневники, в которых зафиксированы почти все события его жизни. Более пятидесяти лет вести дневник — это тоже свойство сильного характера.

И я стал искать повод для знакомства с некоторыми записями из его дневника. Я знал, что Юрий Гагарин родился 9 марта 1934 года на смоленской земле. А что в это время делал Каманин?..

Оказалось, что в этот день Каманин отплыл на пароходе «Смоленск» на спасение челюскинцев. Первым руководителем полетов Гагарина был ученик Каманина Герой Советского Союза Г. К. Денисенко. От своего учителя Гагарин и узнал, что только за полтора года войны в штурмовом корпусе молодого генерала Каманина родилось 86 Героев Советского Союза. Многие были удостоены этого звания дважды. Каманин командовал знаменитыми «летающими танками», которые сам противник образно назвал «черная смерть».

И, пожалуй, Гагарину не летать бы в Саратовском аэроклубе, если бы в послевоенное время Каманин не взялся бы со всей своей энергией за восстановление былой славы ДОСААФа. Скольких летчиков он «поставил на крыло» — просто невозможно сосчитать.

Не случайно при первой встрече с главным маршалом авиации К. А. Вершининым, который знакомился с будущими космонавтами, Гагарин записал у себя в дневнике: «На этой встрече среди других заслуженных генералов нашей авиации мне особенно радостно было увидеть одного из первых Героев Советского Союза — Николая Петровича Каманина». А дальше началась космическая эпопея, в которой каждая страница так или иначе связана с именем Каманина, начиная от отбора до полетов первых двадцати космонавтов.

Мне казалось, что Каманин несправедливо мало записывает подробностей о своих подопечных. Я как-то сказал ему об этом.

— Хорошо, что и на это духу хватает! — ответил он. — Если нужны подробности, я прокомментирую записи. В пределах своих возможностей, конечно...

Так я стал делать выписки из его дневников и записывал к ним комментарии. Накопился бесценный материал. Все, что касается Юрия Гагарина, я частично опубликовал. Сегодня предлагаю вниманию читателей неопубликованные материалы.

ПЕРВАЯ ПОСЛАННИЦА ЗЕМЛИ

22 ОКТЯБРЯ 1961 г. После полета Гагарина я уговорил маршала Вершинина, Королева и Келдыша дать согласие на набор небольшой группы женщин для подготовки к космическим полетам. Пока это дело продвигается с большим трудом. Помех очень много, хотя, казалось бы, элементарно ясно, что женщин надо обязательно готовить. Главным образом по следующим соображениям: женщины летать в космосе будут обязательно, а подготовка их непростая. Значит, надо готовиться к этому заранее. Завел об этом разговор...

Но Королев категорически против, Келдыш — категорически против. Министр обороны Малиновский — категорически против. Я Вершинину говорю: «Давайте затащим Малиновского в Центр подготовки космонавтов!» Министр все-таки потом приехал, но выступил против идеи подготовки к полету женщин.

Вершинин меня поддержал, но говорит: «Что я сделаю, если все против! Сам знаешь, как начальство уговаривать!»

Тогда я предлагаю: «Разрешите, я поеду к Хрущеву!»

«Пожалуйста, — согласился Вершинин. — Только по своей инициативе. Что и как будешь говорить — я не знаю».

С Хрущевым мне встретиться было не трудно — я часто бывал в ЦК КПСС. Однажды до войны еще мне довелось даже пройти с ним от станции метро «Площадь Революции» до «Комсомольской площади». Прямо под землей. Во время войны приходилось часто с ним встречаться — он был членом Военного совета. Так что обо мне он представление имел.

Хрущев тут же позвонил Устинову, который курировал космические проблемы: «Знаешь что? Есть такая идея: надо готовить к полету женщин. Нельзя допустить, чтобы американцы нас опередили. А они готовят. Тут у меня Каманин был — говорили на эту тему. Имей в виду, что и я поддерживаю эту идею!» И повесил трубку.

Не успел я приехать в Центр — звонят Устинов, Келдыш, Королев: «Давайте по этому вопросу соберитесь у Устинова!»

К тому времени я уже 400 женщин отобрал из аэроклубов на местах. Из них мы выбрали 30, а в Москве уже отобрали пять человек. После небольшой подготовки было решено: полетит Терешкова, а дублерами стали Пономарева и Соловьева.

16 ИЮНЯ 1963 г. Сегодня день старта первой женщины в космическое пространство. Ровно в 12.15 автобус доставил Терешкову на старт. Она коротко и четко доложила: «Товарищ председа-

тель Государственной комиссии... К полету готова!»

Ей вручили цветы. Она передала их Королеву. К лифту поднималась довольно тяжело: пульс при посадке в корабль был 140 ударов в минуту. Но Терешкова быстро установила связь и доложила о ходе проверки оборудования. Связь с ней поддерживал Гагарин, Николаев, Королев и я.

Старт Терешковой мне напоминал, по четкости и слаженности работы всех систем, старт Гагарина 12 апреля 1961 года.

Тут надо пояснить, что космонавт — это человек высокой квалификации. Он должен быть в курсе очень многих вопросов и контактировать со многими специалистами. Ведь они и исследователи, и инженер, и врач, и слесарь, да к тому же работающий в совершенно непривычных условиях — в невесомости. Это очень необычная профессия, а для женщин тем более.

Однако успехи, о которых мы говорим всегда в бодром духе, значительно обесценивают мнение об этой трудной профессии. Почему, например, не пишут о дублерах? Ведь им, поверьте, очень трудно. Примерно так же, как проигравшему спортсмену: сил затрачено много, а результат никому не известен. Победившему куда легче: удовлетворение от победы — отличная эмоциональная разрядка. Так и у космонавтов. Все не так просто, как многим кажется: «Подумаешь! Был бы надежный корабль, а полететь-то любой бы смог!»

Но первые же результаты полетов показывали, что летать в космосе — трудное дело, требующее серьезной и длительной подготовки.

Особенно для женщин. Вот и с Терешковой произошел такой эпизод: летела она в направлении от Ленинграда через космодром. По программе у нас должна была быть связь. Сидим и ждем, а ее нет и нет. Так и прошла без связи. Ждем следующий виток, а это еще полтора часа. На подходе корабля к космодromу запрашиваю: «В чем дело?» Раз запрашиваю, два — не отвечает. Тогда я включаю «побудку» — шумовой сигнал. Там такая сирена — разбудит кого хочешь.

— В чем дело? — спрашиваю. — Почему не выходите на связь?

— Двадцатый! Двадцатый! Я заснула: устала очень и заснула!

— Почему не провели тренировку по ручному спуску корабля?

— Я пыталась, но ничего не получилось: очень устала. Дайте мне немного отдохнуть. Завтра утром все сделаю. Все получится!

Королев сидит рядом, недовольный. Она уже уходит из зоны связи. Мне только остается пожелать счастливого пути.

— Ну, ложись, отдыхай, а завтра

МУЗЫКА
ПЛАНИДЫ
МУССОРГСКОГО

Беседуя с Евгением Евгеньевичем Нестеренко, я знала, что через день ему исполнится 50 лет, будет присвоено звание Героя Социалистического Труда, по нескольким программам ЦТ покажут отрывки торжественного вечера из Большого театра... Но разговор наш — о творчестве Модеста Петровича Мусоргского. Нестеренко рассказывает о нем увлеченно, знает удивительно много.

Евгений Евгеньевич, давайте начнем разговор о творчестве Мусоргского с его портрета, который написан Репиным. Странный портрет — фактура атласного халата, осанка как бы настаивают на том, что изображенный человек — барин. И в то же время — мужицкое лицо, простонародное... Есть в этом какое-то несоответствие, даже противоречие. Но, возможно, оно есть и в том, как жил Мусоргский, в его личности, в его творчестве, наконец?

— Неожиданный вопрос. Портрет этот действительно известен, и каждый воспринимает его по-своему. Я лично увидел его еще ребенком и не знал, что портрет написан в госпитале, незадолго до смерти Мусоргского. Может быть, потому он и одет как-то необычно?.. В госпиталь Мусоргский был помещен как денщик одного из своих друзей, так как денег для его лечения не было — зная это, я не воспринимаю халат, как некое роскошество.

Применительно к жизни и творчеству Мусоргского вопрос о противоречиях вполне уместен. Римский-Корсаков замечал, что Мусоргский пишет песни со странными гармониями. Лет десять назад Дмитрий Покровский и его товарищи по фольклорному ансамблю поехали на родину композитора и там записали народные песни с этими «странными» гармониями. У Мусоргского было мышление тех крестьян, в творчестве которых эта гармония жила. Отнюдь не незнание, не необразованность, но особый способ музыкального мышления дал композитору тот необычный язык, который теперь мы прочитываем довольно легко. А в то время он шокировал настолько, что Римский-Корсаков, мудрый, благородный, приспособил «Бориса Годунова», «Хованщину», ряд романсов и песен своего друга ко вкусам публики той эпохи, сделал великое, благое дело. Сейчас, правда, практически весь мир перешел на исполнение оригинального «Бориса», «Хованщины» в инструменталке Дмитрия Шостаковича, который не переделывал ее столь решительно, подчас безжалостно, как делал это из самых добрых побуждений Корсаков.

— Расскажите, пожалуйста, об истории рода Мусоргских.

— Род ведет свое начало от Рюриков. Несколько лет назад умерла последняя представительница этого рода, Татьяна Георгиевна Мусоргская. Жила она в Рязани. Была похожа на Модеста Петровича, хотя доводилась ему внучатой племянницей. Одна из пьес «Детской» посвящена Танюше и Гоге — Георгию Филаретовичу Мусоргскому. Муж и дочь Татьяны Георгиевны погибли в блокаду.

— Вот как вспоминает первую встречу с Мусоргским А. Бородин: «Модест Петрович был в это время совсем мальчиком, очень изящным,

точно нарисованным офицериком: мундирчик с иголочки, в обтяжку... волосы припомаженные, ногти точно выточенные, руки выхоленные, совсем барские манеры, изящные, аристократические»...

— Он был мягок, добр, по духу — глубоко демократичен и ласков со всеми. Модест Петрович очень ценил человеческое тепло, внимание. Наверное, потому так много значила в его жизни мать — Юлия Ивановна. На самом деле мы не так много знаем о жизни композитора. Вячеслав Гаврилович Каратыгин был первым нашим музыковедом, побывавшим в 1910 году на родине Мусоргского и уже не заставшим ни дома, где тот родился, ни каких-либо деталей быта. С тех пор и вплоть до открытия музея ни один крупный музыковед, занимавшийся творчеством композитора, так и не побывал там. А ведь все нужно было по крупицам сохранить, записать, сфотографировать, обмерить. Да что говорить, когда все уже упущено. Ни В. Стасов, ни соратники по «Могучей кучке» ничего этого не сделали. Знать родные места художника — чрезвычайно важно. Нельзя понимать Пушкина без Михайловского, Тригорского, Болдина, Петербурга, наконец Москвы, в которой он родился. Трудно представить себе Л. Н. Толстого без Ясной Поляны. Я, например, посетив место, связанное с жизнью того или иного поэта, композитора, резко менял или по меньшей мере корректировал первоначальный замысел роли, интерпретацию произведения. Необходимо знать тех, с кем профессионально связан, знать природу, которая их окружала, всю ту среду, что питала воображение, память, дух художника. Мусоргский был человеком и композитором трудной судьбы. Он был очень одинок в личной жизни, считал, что главное в ней — музыка, несовместимая с семейным покоем. Он почти нигде не ездил — Москва, Петербург, Воронеж, Псковщина — вот и все. Да и в музыке он был вовсе не таким, каким может показаться людям, знающим только его бодрый призыв «к новым берегам». Мусоргский знал себе цену, хотя был не заносчив, скорее скромнее, а успехи его при жизни не были громкими. Но интуицией гения он чувствовал свое величие и предвидел будущее своей музыки. Его перу принадлежит известная шутивая ода, посвященная Римскому-Корсакову, и себе самому:

«Но памятник себе воздвигнул
он нетленный;
Бориса гордого прославил и вознес.
И труд его отныне незабвенный
Музыку русскую во славу превознес».

Шутка эта оказалась пророческой. Если суммировать мои выступления за рубежом с русской музыкой, то в ряду русских композиторов на первое место придется поставить Мусоргского, а ведь наша музыкальная культура считается одной из крупнейших музыкальных культур мира. Даже П. И. Чай-

ковский, при всей его доступности, при всем гуманизме его творчества все-таки займет следующее после Мусоргского место.

— Может быть, дело в том, что Чайковский композитор более европейского мышления? Мусоргский, видимо, привлекателен для иностранцев настолько, насколько привлекательна очень мощная и в то же время очень национальная культура?

— Да, это так. Но не следует это понимать упрощенно, как музыкальную экзотику. Доля ее есть и в «Борисе Годунове», и, конечно, в «Хованщине». Но волнуют не только те произведения Мусоргского, где отчетливо выражен национальный колорит, не только те вещи, что необычны по форме (скажем, «Семинарист», «Раек»), но произведения лирические, традиционные по форме, в которых нет абсолютно никакого зерна экзотики. Тем не менее они доходят до слушателя и глубоко трогают его. Мусоргский может быть очень разным. Но его музыка имеет русское существо. Как-то я беседовал о нем со Свиридовым и сказал, что если бы у нас не было Мусоргского, мы стояли бы на несколько ступеней ниже в сознании цивилизованного человечества. Свиридов возразил: может быть, и нет, но столь ярко выраженной русской национальной музыки у нас бы не было. И это так, несмотря на то, что Мусоргский отнюдь не пробавлялся только темами русской истории и русского быта. Его первая опера — «Саламбо» (по Флоберу) дала много тем для «Бориса Годунова». Монолог Бориса «Тяжка десница грозного судьи» — это тема жрецов из «Саламбо», хотя сюжет тут отнюдь не русский. Тем не менее темы эти абсолютны, естественны в «Борисе». Композитором написан ряд произведений на стихи немецких поэтов — Гете, Гейне. Но все, к чему он прикасается, становится фактом отечественной музыкальной истории, национального музыкального мышления.

— Вы заговорили о неоконченной опере «Саламбо». Известно, что многие произведения Мусоргского не завершены. Связано ли это с тем, что частные театры охотнее ставили его оперы, нежели официальные сцены? С большим пониманием относились к творениям композитора демократические слои общества. Знаменит тот факт, что студенты несли его из театра на руках после премьеры «Бориса». Только ли благодаря необычной музыкальной стилистике, непривычной речевой интонации ситуация складывалась так, а не иначе?

— Причин тому много, все они разные. В частности, я не исключаю, что Мусоргский был человеком не слишком организованным в быту и в творчестве. Этой черты просто не было в его характере. Как, например, и в характере Бородина. Но Бородин был великим химиком, его основная работа серьезно влияла на отношение к творчеству. Мусоргский был занят службой в Лесном департаменте (потом ушел), у него не было своего угла, жизнь его была не устроена. Да и понимания он в общем-то не встречал. Мы говорим о «Могучей кучке», оставшейся примером союза музыкантов. Но любой союз, будь то «Могучая кучка», ансамбль «Битлз» или театр «Современник», не может существовать всегда. Золотой период проходит, «дальше — тишина».

Что до речитативности языка, то в творчестве Мусоргского были разные периоды: «Саламбо» — сплав речитативности и мелодичности, «Женитьба» — чистый речитатив, в «Борисе Годунове» речитативный склад очень сильно ощущается, а «Хованщина» —

более ариозного характера опера. Кстати, «Женитьбу» мы ставили в оперной студии консерватории со студентами. Они были тогда еще неопытными певцами, но в музыке так естественно звучала живая человеческая речь, что освоили они ее чрезвычайно легко. Это была изумительная постановка — на сцене стоял рояль, аккомпанировала пианистка. Но рояль был и частью интерьера дома Подколесина, вокруг него разыгрывалось действие — на него опирались, за ним прятались. Шел спектакль с большим успехом, и каждый раз, с наслаждением слушая оперу, я просто не мог себе представить, что фразу Гоголя можно «высказать» лучше, чем это сделал Мусоргский. Я даже жалел драматических артистов, которые вынуждены обходиться без музыки. Мелодия Мусоргского — правдивая речь. Даргомыжский говорил: «Хочу, чтобы звук прямо выражал слово, хочу правды». Мусоргский... «добрел», — как он писал, — «до мелодии, творимой говором человеческим». И эта мелодия необыкновенно удобна для исполнителя. Интонации Мусоргского наполнены жизнью — в них есть мысль, эмоция, я понимаю, какое движение совершает при произнесении слова персонаж. Я чувствую: он сидит или стоит, и если сидит, то как — напряженно или свободно. Я ощущаю его дыхание — естественное или прерывистое. И все это заложено в нотах.

Конечно, трудно себе представить, как может быть признан официальными кругами композитор, который нигде не служит, не состоит в музыкальном обществе, так сказать, в Союзе композиторов, не имеет должности в императорских театрах — это чисто по-житийски понятие. С другой стороны, конечно, музыка, темы, вся эстетика Мусоргского опережали время. В этом трагедия композитора, но в этом и его счастье.

— Странная вещь: он начинает с «Саламбо», то есть с французского произведения. А после его смерти слава композитора возвращается к нам из Франции. Многие сделали для Мусоргского Дебюсси, неоднократно подчеркивавший его влияние на свое творчество.

— Дебюсси — композитор другой эпохи. Он уже был способен понять Мусоргского. Действительно, влияние «Песен и плясок смерти», «Без солнца» — последних циклов Мусоргского на творчество Дебюсси несомненно (кстати, один крупный музыковед полагал эти произведения свидетельством вырождения таланта Мусоргского, теперь он думает иначе, но и тогда был искренен — его никто не заставлял так писать, напротив, сразу после революции Мусоргского поднимали на щит). Влияние Мусоргского отчетливо в «Пеллеасе и Мелизанде» Дебюсси. Я пел в 1977 году эту оперу в «Ла Скала», и вот что было сказано в одной из рецензий про исполняемую мной роль Аркеля: «Слушая Нестеренко, понимаешь, как глубоко своими корнями Дебюсси уходит в творчество Мусоргского». Глубочайшая связь со словом в этом произведении Дебюсси — следование принципам второй неоконченной оперы Мусоргского «Женитьба», которую сам он считал опытом, своего рода упражнением. На мой взгляд, это «упражнение» — одно из гениальнейших созданий человечества в жанре оперы. Дебюсси эту традицию развил. Через Дебюсси Мусоргский повлиял на Бартока, чья речитативная опера «Замок Герцога Синяя Борода», полная сильных страстей и глубокого смысла, восходит к «Каменному гостю» Даргомыжского и «Женитьбе» Мусоргского.

— Его музыка удивительно живо-

писна. Каждый звук — краска, целое произведение — картина. В этом есть что-то фантастически мощное, связанное с литературой и особенно, как мне кажется, с литературой Гоголя.

— Это бесспорно. Мы не только слышим, но видим происходящее. Инструментальная музыка Мусоргского передает не только настроение, состояние души, но и зримые образы. Пример — «Картинки с выставки». А ведь живопись Гартмана — вовсе не выдающееся явление. Он был архитектор, рисовал, и когда видишь его рисунки, поражаешься, насколько богаче фантазия музыканта, чем то, что ее разбудило.

— Наверное, потому ансамбль Моисеева поставил на балетной сцене великолепную «Ночь на Лысой горе». И тут возникает еще одна тема — тема инструментов классической музыки. Много лет назад, скажем, знаменитый органист Кейт Эмерсон сделал альбом «Картинки с выставки» — свои впечатления от тем Мусоргского. Эмерсон — человек академического образования, затем ушедший в рок-музыку. Многие поклонники современной музыкальных жанров возвращались к классической культуре именно через какого-то очень авторитетного для них человека.

— Попытка сделать более доступной красоту Мусоргского приводила к многократным попыткам инструментально «Картинки с выставки». Лучше других мы знаем инструментровку Равеля. Не так давно Эдисон Денисов инструментовал «Детскую», «Без солнца», а также «Песни и пляски смерти» в басовой тональности. Инструментовка Д. Шостаковича подходит только для среднего голоса. Я просил Шостаковича перевести ее в другую тональность, он согласился, но не успел... Премьера инструментовки Денисова состоялась в Токио. Играл токийский «Метрополитен оркестр», дирижировал Герберт Кегель из Лейпцига. Никогда прежде мне не приходилось бисировать после этого цикла. Нас не отпустили со сцены. Я вынужден был повторить «Полководца» и подумал тогда, как сблизит музыка людей, народы. Я вспомнил, что «Забывший» Мусоргского был эскизом к «Полководцу». А «Забывший» был вдохновлен картиной Верещагина (она не сохранилась). Верещагин погиб вместе с адмиралом Макаровым на «Петропавловске», торпедированном в русско-японскую войну. И вот — премьера в Токио, и японские любители музыки оказывают невиданный доселе прием этому циклу.

Я не против пропаганды через рок или джаз. От этого просто не уйти. Не можем же мы запретить Рэю Конниффу использовать и исполнять какие-то темы. Использование народной музыки, классической музыки в таком качестве вполне возможно, но при известном чувстве такта, знаний материала. Молодой человек, которому скушно слушать классику, встречает вдруг тему из Бетховена в исполнении негритянских джазменов. Это не так страшно для Бетховена, а главное — становится ясно, что не так уж он непостижим, труден для восприятия. Может быть, человек, десять раз прослушавший Шопена — Конниффа, захочет познакомиться с ним самим Шопеном.

— Вы говорите, что музыка сближает народы, почему же она разъединяет поколения?

— Мне приходилось много говорить об этом, но я — педагог с двадцатилетним стажем, и знаю, чтобы человек постиг какой-то закон, надо много раз повторить одно и то же. Школа учит считать, писать, читать, знакомит с географией, историей, биологией, астрономией, но ни музыка, ни живопись, ни спорт не уделяет достаточного внимания. Я окончил школу с золотой медалью. У меня сохранились тетради по алгебре, геометрии. Смотрю в них, и у меня волосы дыбом становятся: как мы все это могли постичь, заучить. Потом я окончил инженерно-строи-

тельный институт, занимался высшей математикой, меня даже прочили в аспирантуру, а сейчас из всей высшей математики я помню только, как знак интеграла выглядит. И все. Ничего не осталось. Мы изучаем плохо преподаваемую литературу, заучивая наизусть громоздкие правила русского языка, а грамотность падает. Я получаю много писем от молодых людей, написанных иногда так безграмотно, что стыдно читать, а иногда и вовсе до смысла не доберешься. Понимаю, конечно, не все способны к изящным искусствам, но они должны быть равноправными предметами.

Далее, я бы сказал, экспансия американской поп-культуры. Взаимопроникновение культур естественно. Но никогда прежде не было такого, чтобы одна культура подавляла все остальные. Вопрос этот сложен: скажем, симфонический оркестр проник в Россию, потому что он не был принадлежностью русского общества, например, при царе Алексее Михайловиче. Симфонические жанры — порождение итальянской культуры, — попал на новую национальную почву, ассимилировалась, обогатилась чертами данной музыкальной культуры и порождала какой-то синтез. Музыка эта становилась фактом именно национальной культуры. А рок-музыка никак не может найти контакта с богатыми традициями народной, советской песни. У меня есть специальная программа «Песни нашей молодости». Она включает революционные песни, песни гражданской войны и так далее. Одна лучше другой — просто драгоценные слитки. Они имеют свои корни — городская и крестьянская песня, русский бытовой романс. Мы обязаны отдать себе отчет, что у нас нет бытовой музыкальной культуры. Лет сорок тому назад, когда она еще существовала, к ней относились свысока: «Собираются, поют бог знает что». Теперь мы из производителей культуры превратились в ее потребителей. Кто-то пренебрежительно отзывался о народной музыке, старинных русских, цыганских романсах — а теперь попросите человека хоть что-нибудь вам спеть, да он не умеет. Молодежь растет в семьях, где не поют, в школах их обучают пению в лучшем случае формально. Так что мы с этой молодежи можем требовать? Для них ведь даже нет специального абонемента. В Большом театре не идет «Руслан и Людмила», нет детских утренников, а если они и ставятся, не попадают ни детям, ни взрослым — все равно интуисты, делегации ходят. Недавно мы поставили «Сказку о царе Салтане». Идет опера вечером, приходят люди, заглядывают в буфет, рассматривают люстры. И вот ее перенесли во Дворец съездов, который мы, артисты, как сцену не очень любим, но есть одно преимущество — туда еще может попасть простой человек. Иду я на спектакль как на наказание (не люблю эту роль да плюс во Дворце съездов). И вдруг вижу полный дворец детей. Они так горячо принимали, они так переживали, а когда представление закончилось, побежали к сцене, чуть в оркестровую яму не попадали. Совершенно другая обстановка была, у артистов настроение иное. Дайте этим детям возможность прийти в Большой театр, попасть в его атмосферу, — они потом придут еще и еще.

В Ленинграде раньше был детский абонемент (не знаю, как сейчас). Приезжаю я в Малый зал Ленинградской филармонии (любимый мой зал, наравне с Большим Московской консерватории), приходят люди с ребенком: «Знаете, мы ходили на ваши концерты, когда вы еще студентом выступали, а теперь вот сына привели». Да и Ленинградская консерватория раньше давала утренние концерты для детей. Конечно, огромное дело сделала Н. И. Сац, открыв Детский музыкальный театр, да еще такой чудесный, но один театр не может решить проблемы музыкального воспитания. Этим долж-

ны заниматься все театры, все оркестры, ансамбли, хоры.

— А вы не пробовали хотя бы к юбилею (у нас принято: все — к юбилеям) на телевидении сделать вокальный цикл Мусоргского? Опера — все же крупная форма, требует определенной культуры восприятия, да и просто умения сидеть и слушать. При помощи телевидения можно было бы рассказать о Мусоргском, о том, каким он был человеком.

— Согласен. Телевидение использовать необходимо. Недавно мне одна знакомая говорит: что-то вы давно не выступаете. Я ей: «Побойтесь бога, через день на сцену выхожу». Она: «Ну что вы, я вас давно уже по телевидению не видела». Надо увеличивать количество посвященных искусству передач, расширять тематику. В ГДР, сравнительно маленькой стране, три крупнейших артиста ведут такие циклы. Когда-то и я вел «Музыку для всех», но ее взяли и бесцеремонно закрыли, ни слова мне не сказав, заменили программой «Музыка и мы». Неужели нельзя было оставить и то, и другое? К тому же надо, чтобы о деле говорили люди, его знающие. Артисту верят больше, чем диктору.

В Польше проводятся конкурсы на лучшее исполнение советской песни. Много лет одна из японских певиц (недавно она к нам приехала) поет русские романсы — Глинку, Чайковского, Рахманинова, Свиридова, все это пользуется большой популярностью. Когда я был последний раз в Японии, знаете, что просил меня исполнить импрессио? «Под звездами Балканскими», «Славное море, священный Байкал», «Ах, Настасья, отворяй-ка ворота», «Журавлей» Френкеля — Гамзатова поет японский хор. Вот наше богатство, его надо соединить с новейшими веяниями.

— Скажите, готовится ли книга о жизни и творчестве Мусоргского? Ведь жизнь его для нас — сплошные «белые пятна».

— Я вам рассказывал о родословной Мусоргского. Об этом очень интересно пишет в своей книге, которая должна скоро выйти, Н. С. Новиков — великолуцкий журналист, писатель. Он сделал, не побоюсь этого слова, эпохальное открытие: нашел в архиве подлинную метрическую запись о рождении Модеста Петровича. Прежде публиковалась копия, и даже село, в котором родился Мусоргский, названо в ней не Карево, а Кажево! Новиков открыл множество ветвей генеалогического древа рода Мусоргских, он установил фамилию Ирины Егоровны, выяснил историю ее брака с дедом Мусоргского. Узнал, что семинариста, которого композитор прославил своей музыкой, звали Василий Лобанов, а поп Семеон Суворов действительно служил в церкви святой Одигитрии, которая находилась по соседству с селом Мусоргских. В ней венчались родители Модеста Петровича, на ее погосте похоронены мать Мусоргского и многие его родные. Здесь-то и служил поп Семеон: «У попа Семена дочка знатная такая...» Новиков опросил старожилов тех мест, которым их отцы рассказывали, как барин приезжал из Петербурга, какие обычаи были у Чириковых (семья матери). Книга обещает быть очень интересной. Готовит ее Лениздат.

— А как идет подготовка к 150-летию юбилею Модеста Петровича Мусоргского?

— Вы знаете, я имел честь принимать участие в фестивале, посвященном 100-летию со дня смерти Бородина. Проходил он в... итальянских городах. Видно, Бородин более близок Италии, в которой однажды побывал, чем России. В этот момент по всей Италии гастролировали оркестры под управлением Г. Рождественского, квартет имени Бородина. Состоялся симпозиум «Александр Бородин — музыкант и ученый». Читали «Слово о полку Игореве»,

выступали ученые-химики. В фойе «Театро филармонико» в Вероне работала выставка, материалы для нее были привезены из наших музеев, а в самом театре шел «Князь Игорь». Нашли итальянцы дом, в котором жил композитор, встречались с потомками хозяев, решили установить на этом доме мемориальную доску. Наша пресса об этом событии молчит, зато говорит о хоккее, футболе, погоде...

Но надеюсь, что юбилей Мусоргского мы встретим достойно, кое-что уже сдвинулось. Начали издавать полное академическое собрание сочинений композитора. Редколлегия возглавляют композитор Г. Свиридов, музыковед и текстолог Е. М. Левашов. В первый том войдет «Борис Годунов». Существует музей Мусоргского на его родине — Псковщине, представляющий большой интерес для всех, кому дороги его имя и творчество. Это маленький, но все же центр культурной жизни в сельской местности. Еще в 1977 году там была только экспозиция во флигеле, сейчас музей уже «встал на ноги». В марте здесь проводятся музыкальные фестивали. Летом 1980 года сюда приезжали Московский камерный хор под управлением В. Минина, Е. Образцова, композитор и пианист М. Ермолаев, эстонский бас М. Пальма. Музыка слушали небеса, озеро, леса, которые помнят Мусоргского.

Тем не менее сейчас очень актуальны три проблемы, две из которых решить легко. До сих пор в стране нет театра имени Модеста Петровича Мусоргского. Когда отмечали 100-летие со дня кончины композитора, были внесены предложения в Совмин РСФСР. Думали о Новосибирском театре, но я лично ратовал за Воронежский — Мусоргский там бывал. Решение так и не принято.

Нет ни одной мемориальной доски. Основную часть жизни композитор прожил в Петербурге. Но даже на здании бывшего военно-сухопутного госпиталя, где он скончался, доски нет.

В 1978 году Совет Министров РСФСР издал постановление о сооружении памятника на территории усадьбы-музея Мусоргского на Псковщине. Когда-то В. Стасов писал, что Мусоргский принадлежит к тем людям, которым потомство будет ставить памятники. Ошибся Стасов — так и нет до сих пор. Заказ был осуществлен талантливым скульптором Виктором Хачатуровичем Думаняном. Он сделал великолепный памятник ландшафта, применительно к особенностям ландшафта. Министерство культуры и несколько комиссий одобрили работу, и уже давным-давно она стоит в гипсе. Но прежнее руководство Псковской области по непонятным причинам тянуло, препятствуя реализации проекта. В 1980 году побывала там весьма авторитетная комиссия, состоявшая из скульпторов, архитекторов, музыкантов. Все сошлось на том, что лучшего места, чем выбрано скульптором, и не придумаешь. Был подписан документ, а через месяц члены комиссии — псковичи от своих подписей отказались. Весной 86-го года была последняя комиссия. Опять все — «за», но главный архитектор Пскова — против. Целый детектив... Почему же не учитываются мнения и советы таких знатоков, как Г. Свиридов, В. Минин, Е. Образцова, Ю. Симонов, В. Афонников, А. Микк, М. Пальм, скульпторов О. Комова, Ю. Чернова, О. Кирихина, и многих других? 10 лет прошло со дня постановления, восемь — с того момента, как был готов памятник, а воз и ныне там. Но я надеюсь, что новое руководство Псковской области осознает всю серьезность сложившейся ситуации и примет экстренные меры, чтобы к марту 1989 года, когда, по решению ЮНЕСКО, будет праздноваться 150-летний юбилей композитора, памятник будет стоять на холме, куда, по преданию, Мусоргский любил подниматься...

Записала
Марина ТИМАШЕВА

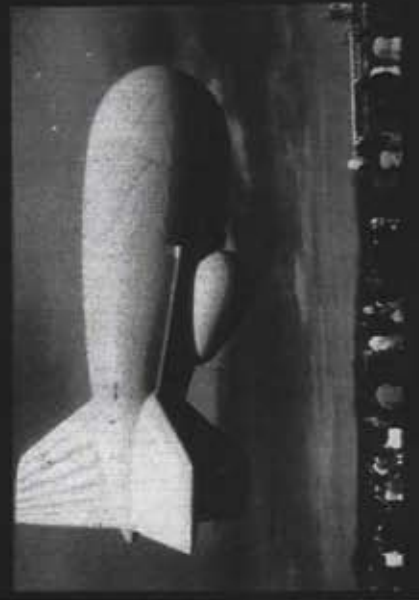

РАДАРЫ ПРОТИВ КОНТРАБАНДИСТОВ

В целях борьбы с контрабандой наркотиками американские власти начали использовать радары, установленные на дирижаблях. Эти «воздушные» радары могут засекать даже легкие самолеты, пересекающие границу на любой высоте.

Обычные радары, установленные на зем-

ле, фиксируют полеты объектов только на высоте свыше 60 метров, чем зачастую и пользуются контрабандисты. «Воздушный» радар не оставляет никаких лазеек для незаконного проникновения в воздушное пространство. С высоты 3050 метров он способен «видеть» летающие объекты на расстоянии 225 километров, и его действие «покрывает» площадь 160 000 квадратных километров.

Первый из пограничных дирижаблей с радаром поднялся в воздух 7 ноября 1987 года в штате Оризона на границе США и Мексики. В дальнейшем предполагается создать большую сеть из «летающих» радаров со стороны Багамских островов и Мексиканского залива.

«ГЕО», ФРГ

НЕУТОМИМЫЙ ЖАН МАРЭ

Известный французский актер Жан Марэ вновь на театральных подмостках. На этот

раз зрители театра «Буфф» — Паризьен — увидят его в последней пьесе Жана Кокто «Бахус». 74-летний актер на этот раз выступил в качестве и режиссера-постановщика пьесы, и художника по костюмам, и художника-постановщика.

«ПАРИ МАТЧ», ФРАНЦИЯ

РЕВОЛЮЦИЯ... В БИБЛИОТЕКЕ

Национальная библиотека в Париже, где хранятся все документы, когда-либо выходившие во Франции, переживает революцию. Заканчивается эра ящиков с картонками и гигантских талмудов. Наступает эра компьютеров. Теперь посетитель библиотеки не копается в картотеке в поисках нужной книги или справки. Достаточно нажать кнопку персонального компьютера, и на экране дисплея появится нужная информация. Новый электронный каталог располагается данными о 12 миллионах изданий, которые появились за последние шесть веков.

«ФРАНС-ПРЕСС», ФРАНЦИЯ

денеги. Выяснилось, что через каждые 23 операции происходит одно ограбление. Не спешит и то, что банки-автоматы снабжены телекамерами наблюдения. Каково же выхождение? Похоже, его пока нет. Было предложение переоборудовать автоматы по системе «драйв ин», то есть получить деньги, не выходя из машины. Но тогда клиент может лишиться не только денег, но и машины, на которой он приехал...

«КАМБИО-16», ИСПАНИЯ

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

За последние десять лет в мире было убито в общей сложности 500 журналистов. Как сообщает кубинская печать, 358 потерял жизнь в Латинской Америке. За это же время около тысячи репортеров подверглись арестам, пыткам или же высылке из той или иной страны. Статистика показывает, что больше всего опасностей подстерегает журналистов в относительно спокойных странах, например, в Мексике.

Перу, Колумбии, а не в откровенно диктаторских, как Парагвай или Гаити. Больше всего журналистов погибло в Аргентине — 164, в Чили — 25, и еще 11 пропали без вести. В Сальвадоре и Гватемале соответственно — 28 и 42.

«МАДЬЯРОРСАГ», ВЕНГРИЯ

ДЕНЬГИ ИЛИ ЖИЗНЬ

В США все большее распространение получают так называемые банки-автоматы — специальные устройства, при помощи которых вкладчики обычного банка уже после его закрытия могут получить свои деньги. Как правило, работа таких банков-автоматов начинается в вечернее время и продолжается всю ночь.

Считалось, что такая форма обслуживания клиентов весьма безопасна. Но исследование, проведенное специалистами одного американского института, показало, что это не совсем так. Проверив работу 75 тысяч автоматов в 177 банках страны, исследователи пришли к выводу, что банки-автоматы начинают использоваться все большей популярностью у грабителей. Они подкарауливают вкладчиков в тот момент, когда «клиенты» получают у автомата

ХВОСТАТЫЕ ХУЛИГАНЫ

Когда в одной школе на окраине Дели прозвенел звонок и дети выбежали на перемену во двор, в классы через открытые окна с визгом ворвались обезьяны, сидевшие до той поры на деревьях. Они набросились главным образом на завтраки учеников и, унеся их на деревья, стали лакомиться добычей. В пригородах Дели сейчас проказничают и бесчинствуют сотни обезьян. Регулярно они предпринимают нашествия на школы, учреждения, храмы, магазины, а недавно хотели проникнуть даже в здание парламента. Хвостатые хулиганы словно знают, что им ничто не грозит. Согласно религиозным традициям, обезьяны относятся к неприкосновенным животным. Индийская столица располагает всевозможными «официальными» ловцами обезьян, которым дано право принимать против них меры. Ввиду подавляющего численного перевеса обезьян ловцы не в силах защитить город.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ДЕЛОВЫМ ЛЮДЯМ

Карманный телефон «Супер Стар» размером чуть больше пачки сигарет. Его можно носить в кармане или в сумке. Пользуясь этим устройством, можно вести переговоры на расстоянии до двух километров от дома в сельской местности и до 400 метров в городе. Для радиоволн, которые связывают телефон с его базисным аппаратом, подключенным к электрической и телефонной сети. Даже бетонные стены не помеха. На ночь телефон устанавливается на базисное устройство для подзарядки.

Новые часы фирмы «Касио» напоминают 50 телефонных номеров, которые набираются автоматически. Для этого достаточно поднести часы к телефону, снять телефонную трубку и нажать на кнопку, соответствующую выбранному номеру. Часы также снабжены секретным кодом, календарем до 2029 года и устройством, позволяющим определять время в 24 часовых поясах.

«ПАРИ МАТЧ», ФРАНЦИЯ

ЗАРУБЕЖНАЯ

Мировые

Состоялось следствие и суд. Кружнев получил три года условно, был исключен из комсомола и отчислен из университета.

На следствии и суде Леня твердо и последовательно повторял, что ничего не помнит. Его ударили по лицу, он бросился на обидчика, очнулся, когда его держали товарищи. Это и спасло его от тюрьмы.

«Дурак и неврастеник, — рассуждал он, вернувшись из суда. — И чего ты добился?» Парня, который лишь недавно вышел из больницы, он не жалел. Просто о нем не думал, а вот комсомольское собрание вспоминал. Где они, комсомольцы-добровольцы, которых показывают в кино? Робкие голоса, прозвучавшие в его защиту, потонули в шквале негодования. Кружнев обнажил свою звериную, антигуманную сущность, чуждую социалистическому обществу. Кружневу не место в рядах... Леня все время помалкивал, думал, обойдется, но когда с трибуны сформулировали мысль о его чуждой сущности, да еще добавили что-то о разлагающей идеологии Запада, и какая-то комсомолка-двоечница наклюзничала, что видела, как Кружнев читает Ницше, он понял — это конец. В своем последнем слове Леня сказал:

— Это вы антигуманны, мозги ваши заштампованы, в Ницше вы ничего не понимаете, так как не читали. И возмущение ваше насквозь лживое, в деканате сказали исключить, вы и стараетесь.

Он подошел к столу, за которым сидело бюро, положил комсомольский билет и прошел через примолкнувшую аудиторию. Получилось красиво, но совершенно бессмысленно. И девчонку, из-за которой все произошло, он давно разлюбил, и диплом накрылся, а его надо бы иметь. Физику, математику да и гуманитарные науки Леня не любил, но учился отлично, так как обладал феноменальной памятью и упорством, мог заниматься восемь—десять часов в сутки. Он стремился быть первым, иначе затолкают, упрячат в толпу, которую он презирал. Понимание толпы как однородной серой человеческой массы у него ассоциировалось с собственными родителями. Мама с папой были людьми из длинной покорной очереди, что вьетса порой у магазина.

Отец работал бухгалтером, всю жизнь просидел за одним и тем же столом и поднимется из-за него, лишь когда соберется на пенсию. Мать служила в канцелярии министерства, переключившись со стола на стол бумажки, подшивала их в папки. Оба они были маленькие и тихие, носили огромные очки, за которыми стеснительно прятались добрые, ласковые глаза. Вечерами они пили чай с сушками и вареньем, смущенно, словно вчера познакомились, улыбались друг другу и восторженно встречали сына, когда он выходил из своей комнаты к столу.

Леня не любил смотреть на родителей, понимая, что он их копия. Однажды в припадке злости подумал: таких следует кастрировать, чтобы не было потомства. Два серых мышонка влюбились и произвели на свет, естественно, мышонка, но с волей, душой и сердцем другого существа.

Дома Леня никогда ничего не рассказывал, промолчал и о суде, и об исключении. «Надо искать выход», — думал он, укрывшись в своей комнате. Все в их квартире было маленькое, затертое, тесное, как и положено в мышиной норке. Правда, какой-нибудь чудак мог бы назвать его прелестным гнездышком, согретым любовью и семейным уютом.

«Подведем итоги: без диплома, исключен из комсомола, имею условное осуждение. С таким набором меня в нашем сверхгуманном и сверхдемократическом обществе допустят сторожить лишь черный ход».

Делать изнурительную гимнастику, сидеть бесконечными часами за письменным столом — к этому он принуждал себя силой. Но любил только стругать и резать деревяшки. Взяв причудливый корень, Леня вглядывался в него, словно угадывал знакомые, но забытые черты, потом острым ножиком удалял лишнее, выявляя пригрезившийся образ. В основном у него получались горбуны-уроды, змеи-горынычи, страшные доисторические ящеры.

Оказавшись выкинутым из привычной жизни, подыскивая для себя новые пути, Леня выгреб из стола свои поделки. Стоит попробовать, решил он, и со свойственным ему упорством и фанатизмом начал работать.

За два-три года Кружнев нашел единомышленников — каких только чудачков и сумасшедших нет в столице! — обнаружил выставки-продажи, обзавелся специальным инструментом, начал гулять по паркам и лесам Подмосковья в поисках природы.

На выставках Леня Кружнева обвиняли в бездуховности, но его страшноватые творения пользовались успехом у детей и богомольных старух. Одни видели

в них любимых сказочных героев, другие — исчадия ада, которые грядут в наказание за все грехи человеческие. Он создавал то, что хотел, именно так, как чувствовал, заботился о своем гардеробе, содержал в порядке «Жигули», стал поглядывать на женщин.

Маше, она называла себя Марией, только исполнилось двадцать. Она приехала со Смоленщины якобы поступать в институт, на самом деле мечтала выйти замуж за москвича и жить, как подобает красавице.

Маша работала штукатуром на стройке, жила в общежитии, все деньги тратила на косметику и наряды, разыскивала сначала принцев, затем по нисходящей — завагов, продавцов комиссионки, грузчиков мебельных магазинов. Мужчины знакомились охотно, с готовностью кормили в ресторанах, оставляли ночевать, но жениться не торопились.

Леня Кружнев подвез как-то Машу от проспекта Калинина до Белорусского вокзала, а через два месяца они поженились.

Надо отдать Кружневу должное: он не обманывался, в чувства Маши не верил, знал цену уму и духовному содержанию своей избранницы: нужна квартира, московская прописка и машина? Имеется. Ты тоже меня устраиваешь. Так состоялась сделка.

Лене нравилось, что жена будет полностью от него зависеть. Казалось, он все учел и взвесил. Но вся немудреная конструкция Лени Кружнева через полгода рассыпалась. Он влюбился в собственную жену.

Женщины — существа чуткие, Маша не была исключением. Она ощутила перемену в отношении к ней мужа и методично, неторопливо повела захватническую войну. Сначала молодые поменялись с родителями комнатами, переселились в большую. Маша ушла с работы — непристойно жене художника штукатурить стены, — получила права и стала «одалживать» машину сначала на час-два, потом на полдня.

Леня сдавался без борьбы, с юношеским восторгом, потакал капризам, дарил цветы, покупал кофточки и платицы. Он никогда не подозревал, что отдавать и дарить значительно приятнее, чем требовать и получать. Глупость и женское коварство Маши он отлично понимал, но и они приводили Леню в неопишуемый восторг.

Но Маша погибла в автомобильной катастрофе. Кружнев впал в бешенство. Не жалко было человека, женщину, возможно, мать его будущих детей. Как только исчез пьянящий азарт обладания ее телом, Леня трезво осознал обстановку. Пошлая, алчная девка! Но он любил ее такую, она дарила ему счастье! Отняли, надругались над его чувствами! За что?

Кружнев залперся дома, перестал бриться и даже умываться, почти не ел — вспоминал. Всю жизнь он, надрываясь, боролся за существование. Рожденный мышонком, он ежедневно истязал себя, харкал кровью в буквальном смысле, закалявая тело. Его никогда не любили. Из университета вышвырнули на помойку. Но он не позволил себе опуститься: не спился, не начал воровать, восстал, можно сказать, из пепла и захватил место под солнцем. Теперь убили любовь, эту глупую девку, которая никому, кроме него, зла не делала. «Вы меня всегда унижали, теперь отняли самое дорогое, ну я вам отомщу!» Кому конкретно и за что собирался он мстить, Кружнев не задумывался.

Он похоронил Машу, получил страховку за машину, жил рядом с родителями, сутками не выходил из дома. Постепенно вялость и сонливость проходили. Снова занялся гимнастикой. Но к резьбе по дереву не вернулся — бывшее увлечение угасло.

Однажды поздно вечером Кружнев, выходя из кафе, где был завсегдатаем, столкнулся с подвыпившим верзилкой. Пока парень собирался отшвырнуть замухрышку, Леня ткнул его железным кулаком в горло, ударил носком ботинка ниже живота, хотел наступить упавшему на лицо, но увидел мужчину, который, сидя в машине, наблюдал за происходящим, и, перешагнув через тело, скрылся в темноте.

Босс подпольного синдиката Юрий Петрович, а именно он оказался случайным свидетелем «подвига» Кружнева, вышел из машины, помог поднять изувеченному парню, спросил:

— За что он вас?

— Поймаю — убью!

От Юрия Петровича, человека весьма наблюдательного, не ускользнуло намерение Кружнева добить упавшего, и он подумал, что скрывшемуся человеку просто цены нет.

— Знакомый?

— Знакомые у него в психушке, — просипел парень, покачиваясь. — Ну, поймаю...

— Вы уж его лучше не ловите, — перебил Юрий Петрович и вошел в кафе.

Выпив рюмку коньяку и чашку кофе, поболтав с официанткой, он без труда узнал, что интересующий его человек — художник, заходит сюда почти еже-

ЕЩЕ НЕ ВЕЩЬ

дневно, недавно потерял в автомобильной катастрофе жену.

Юрию Петровичу очень понравился пока еще незнакомый художник. «Цены ему нет», — думал старый делец. Зачем конкретно ему нужен потенциальный убийца, Юрий Петрович не знал, но, что художник убьет, не задумываясь, не сомневался.

На следующий день Юрий Петрович прогуливался у входа в кафе.

Леня пришел около семи и занял столик в углу, усевшись лицом к залу. Как зверек, отметил Юрий Петрович, подходя к нему. Отодвигая стул, вежливым, но не терпящим возражения тоном сказал:

— Извините, молодой человек, я ненадолго, — и сел.

Леня не ответил, держался замкнуто, но через полчаса они уже пили коньяк и мирно беседовали. Опытный старый волк ненавязчиво упомянул о своем одиночестве, жестокости сегодняшнего дня, инфантильности окружающих и пошлости выбравшихся наверх. Как талантливый гитарист, он перебрал все струны человеческих слабостей, и Лене Кружневу показалось, что он знает соседа всю жизнь.

Юрий Петрович устроил Кружнева на работу, не связанную с нелегальной деятельностью. «Воров я всегда найду, а убийцу встретил впервые, такого следует беречь», — рассудил Юрий Петрович. Чтобы заинтересовать и связать Кружнева материально, он посылал его иногда с пустяковыми поручениями на дачу к своей любовнице и платил пятьдесят или сто рублей.

Юрий Петрович подогревал в Кружневе ненависть к людям, всячески выпячивал их ничтожество и подлость и время от времени проверял своего подопечного в действии. Как-то, гуляя по пустынной аллее парка, они увидели двух подвыпивших парней, и Юрий Петрович сказал:

— Вот подонки, и суда на него нет.

Кружнев не поинтересовался подробностями, спросил деловито:

— Который?

— Что повыше.

Расправа была молниеносной и жестокой.

Юрий Петрович был доволен собой, отмечая, что он человек незаурядных способностей, можно сказать, талантливый. Казалось бы, с чего началось? Подрались два парня у кафе. Другой бы и внимания не обратил, а он, Юрий Петрович, и оскал Кружнева заметил, и ногу поднятую над лицом лежащего. И теперь у него есть Кружнев. В большом хозяйстве все пригодится. Долго держал он Леню в тени, используя по мелочам, и вот пришло время...

РОЛИ И ИСПОЛНИТЕЛИ

Отари дал задание установить, куда мог торопиться погибший в катастрофе Важа Бахтадзе. Распорядившись, выглянул в окно, позвал водителя машины. Накануне шофер в присутствии Кружнева попытался открутить до упора завинченную гайку. Но безуспешно. Кружнев, смущенно улыбаясь, отстранил водителя и быстрым рывком ключа, легко провернул ее.

18:49

Николай ЛЕОНОВ

ЕР

Рисунки Виталия Федорова

— Товарищ майор, у гражданина руки просто железные. Такой худой, немолодой, мне стало стыдно, закончил доклад водитель.— Он мне понравился, молчаливый, скромный. Неужели он...

— Спасибо, Гурам,— перебил Отари.— Ступай, работай...

Оставшись один, майор набрал номер гостиничного телефона Гурова. Номер молчал. А известить подполковника о новостях было необходимо.

Гуров не предполагал, что физрук санатория, красавец и атлет Толик Зинич,— существо мыслящее. Сейчас, сидя с ним в кафе, Гуров понял свою ошибку. Толик смотрел остро, явно искал какое-то решение. Молчали.

«Ну, узнал ты, колесо у машины отвернули, катастрофу подстроили. Что тебя беспокоит, корежит? Почему не расскажешь? Ведь такое интересное, потрясающее событие в скучной, монотонной жизни курортного межсезонья. Давай, красавец, не медли»,— подталкивал Толика мысленно Гуров.

— Да, жизнь, черт бы ее побрал.— Толик допил кофе, взял пустые коньячные рюмки.— Повторим?

— Я пас, ты же, Толик, знаешь, у меня...— И Гуров ткнул себя пальцем в живот.

— Ну, а я, извините.— Толик отошел к стойке, вернулся не с рюмкой, со стаканом.

— Зачем? Вроде за тобой не водилось.

— Сегодня надо, нервы, мозги набекрень. Неприятности у меня, Лев Иванович.

— До сегодняшнего дня ты меня Левого звал,— усмехнулся Гуров.

— Так извините.— Толик отхлебнул, взглянул затравленно.— Посоветоваться хочу, а когда в человеке заинтересован, надо к нему обращаться с поклоном и уважением.

— Еще раз здравствуйте.— В кафе вошел Артеменко.— Не говорю «день добрый», так как день сегодняшний добрым не назовешь.

Толик, увидев Артеменко, втянул голову в плечи, проглотил остатки коньяка и встал.

— Ну, желаю, дела у меня.

— Минуточку,— остановил Толика Артеменко.— В милиции были?

— Когда паспорт получал.

— Повторяю вопрос для дураков. Вы сегодня в милиции были?

— Я без приглашения только в кабак хожу.

— Советую зайти к начальнику розыска и рассказать, чем вы вчера занимались около девяти вечера,— холодно произнес Артеменко.

— Ничего не понял!— Толик отсалютовал и вышел.

— Имеющий уши да услышит. К вечеру его найдут.— Артеменко взял пустую рюмку Гурова.— Ну, что? По пятнадцать капель?

— Владимир Никитович, для вас, лично, могут сварить чашку кофе?— спросил Гуров, отметив, что сегодня все перешли на «вы».

— Коньяк не будете, понимаю, вам надо иметь свежую голову,— сказал Артеменко, усмехнулся.—

Кофе вам, лично, сейчас приготовят.

Он подошел к стойке, что-то сказал, буфетчица кивнула, налила рюмку коньяку и исчезла в подсобке.

— Сейчас сварят.— Артеменко поставил рюмку, поддернул штанины своих кремовых, безукоризненно отутюженных брюк, сел, качнув покрытый пластиком стол, неуверенно стоявший на хлипких алюминиевых ножках.— Интурист, первый класс! Бедная Россия!— Он тяжело вздохнул.— Получить нормальный кофе можно лишь по блату, на стуле чувствуешь себя, словно эквилибрист на проволоке.

— Вы поссорились с Майей, в милиции узнали неприятную новость, взвинчены... И беспокоят вас не вопросы глобальные, а бытие дня сегодняшнего,— сказал Гуров.

— Устал я, Лев Иванович. На людях я ни минуты не бываю самим собой, играю,— усмехнулся Артеменко.

— Кто заставляет?

— Жизнь.

— Пожалуйста.— Буфетчица поставила на стол две чашки кофе.

Аромат и коричневая пенка неопровержимо доказывали — в чашках именно кофе.

— Так что случилось с нашим обаятельным Толиком?— спросил Гуров.

— Надеюсь, кофе вам понравится.— Артеменко поднялся из-за стола.— Пойду к нашей красавице замаливать грехи.

Одну чашку кофе Гуров выпил, вторую взял с собой в номер.

На письменном столе лежал конверт. Вскрыв его, Гуров прочитал записку Отари. Вот тебе и хиленький Кружнев с постоянно заискивающими и виноватыми глазами. «А ведь я однажды обратил внимание на его ловкость и силу. Когда?» И Гуров вспомнил, как стоял на набережной, у паркета, смотрел на прибор. На пляж вела крутая, длинная лестница. По ней поднимался человек. Гуров еще отметил, что с такой легкостью ступеньки может перепрыгивать лишь спортсмен, и удивился, узнав Кружнева. «Молодец,— подумал тогда Гуров,— мне так не подняться»,— но значения увиденному не придал.

Кружнев. Растерянный, узкоплечий, пришибленный, тихий пьяница. Оказалось, он сильный и ловкий. Зачем бухгалтер пытается выглядеть не тем, кто он есть? А возможно, он и не бухгалтер, и не пьяница, и даже не Леонид Тимофеевич Кружнев?

Гуров набрал номер горотдела, соединился с дежурным.

— Здравствуй. Передайте Отари Георгиевичу,— необходимо срочно допросить Анатолия Зинича.

— Понял. Кто такой Зинич?

— Майор знает. Выяснить, чем Зинич занимался вчера, около девяти вечера.— Гуров положил трубку.

Толик Зинич пил молоко на кухне своей двухкомнат-

ной квартиры. Мать с отцом на работе, и Толик был, слава богу, один, никто не приставал с расспросами.

— Надо быть трезвым, абсолютно!— вслух сказал он, выпил еще молока.

В это время зазвонил телефон. Толик схватил трубку.

— Да!

— Добрый день!

— Так дело не пойдет!— выпалил Толик.— Я в дерьмо вляпаться не желаю!

— Не бренчи нервами, истеричка. Выходи из дома и шагай в сторону рынка, я тебя встречу.

Толик положил трубку и выскочил на улицу. Вскоре он сидел на мокрой лавочке в серой от дождя совершенно пустынной аллее. Рядом с Толиком, опираясь на тяжелую палку и сильно сутулясь, сидел седой мужчина.

— Нет, Иван Иванович, так дело не пойдет,— шептал Толик, хотя вокруг не было ни души.— Что там в «заповеднике» произошло, еще вилами на воде писано, а тут — тюрьма.

— Чего пылишь? Молодой, здоровый, а нервы, как струны у старой балалайки.— Иван Иванович говорил спокойно, на блатной манер растягивая гласные.— Ну, чего такого стряслось, не ведаю, рассказывай.

Майя сидела в люксе Артеменко, смотрелась в маленькое круглое зеркальце, внимательно изучала свое лицо.

Артеменко медленно прохаживался по номеру, пригубливал из бокала, изредка поглядывал на девушку, помалкивал.

— Ну, что, дорогой? Свадебного путешествия не получилось, теперь эта идиотская история.

Артеменко подумал, что происшедшее «идиотской историей» назвать нельзя, в уголовном кодексе данные действия квалифицируются как попытка к убийству. Коньяк не пьянил, не поднимал настроения, Артеменко с тоской посмотрел на красивую, вконец порабитившую его женщину, не понимая, обожает он ее или ненавидит.

— Ты меня очень не любишь,— угадав его мысли, сказала Майя.— Зачем усложняешь, расстанемся интеллигентно.

«Села бы утром за руль и теперь тихая, холодная, лежала бы в морге, а не мучила меня»,— подумал отрешенно Артеменко и залпом допил коньяк.

— Ничего не понимаю,— сказал он.— Кто-то хотел убить либо тебя, либо меня. Этот придурок менял вчера колесо. Ты стояла рядом, не обратила внимания, он затянул гайки крепления?

— Затянул,— уверенно ответила Майя.— Я, глядя на его ручищи, еще подумала: кто будет отворачивать — надорвется.

— Если не врешь, значит, ты их свинтить не могла,— сказал Артеменко, получая удовольствие от возможности вывести любовницу из равновесия.

Майя действительно оторопела, но тут же взяла себя в руки.

— Ты мужик хоть и не первой, даже и не второй молодости, но здоровый. Мне тебя укукошивать ни к чему, жить не мешаешь. Любовь твоя надоела? Так за это не убивают.

— Как знать.

— А вот ты меня от чрезмерной любви можешь отправить к праотцам запросто. Не моя, так и ничья, машину подарил, в ней и захоронил!— Она рассмеялась.— Даже в рифму складывается.

— Ну хватит глупостей!— Артеменко повысил голос.— Если милиция не ошибается, то, повторяю, пытались убить либо тебя, либо меня. Не удалось, попытаются снова. Тебя не за что, кроме меня, ты никому зла не причинила. Или я ошибаюсь — чего-то о тебе не знаю.

— Ты ночью куда из номера выходил?— неожиданно спросила Майя.

— Я?— Артеменко схватился за грудь, поняв театральность жеста, налил в бокал коньяку, выпил.— Дура. Сейчас не время болтать чепуху, тебе лишь бы уколоть, сделать больно. Ты понимаешь, вопрос идет о наших жизнях. Точнее, о моей, ты ни у кого на дороге не стоишь.

— Ты выходил,— упрямо повторила Майя.

— Да я в эту ночь впервые спал, как сурок, крепко-крепко!— ответил искренне Артеменко, увидел на смешливом лице Майи и неожиданно подумал: «А с чего это я так крепко спал?»

Он заглянул в бокал с коньяком, словно пытался найти ответ. И Майя вчера перед сном вела себя непривычно, нежная была, даже страстная. Может, она со мной прощалась? Артеменко почувствовал в груди резкую боль, она захватила плечо, потекла по руке.

ТОЛИК ЗИНИЧ

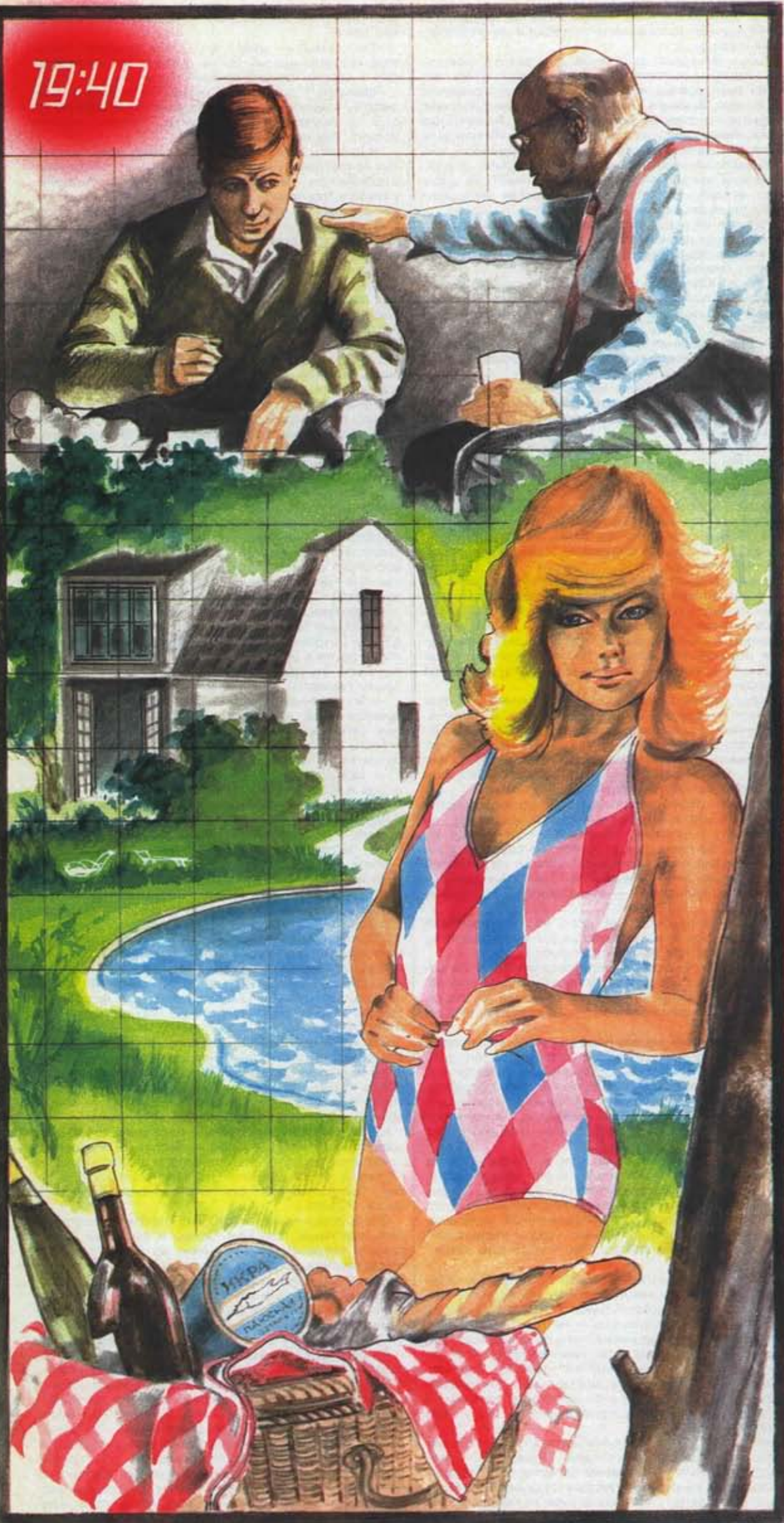
Родился Толик крепким, здоровеньким, рос ласковым, жизнерадостным ребенком, любил маму с папой. Они тоже любили Толика, особо не баловали, да

19:40

ника к пустяковому делу и выполнял свои обязанности формально, полагая, что майор Антадзе выслуживается перед москвичом.

— Кружнев Леонид Тимофеевич, — следователь быстро заполнил страницу со всеми анкетными данными Кружнева. Предупредил об ответственности за дачу ложных показаний, попросил подписать, задал вопрос: — Расскажите, пожалуйста, где вы находились и чем занимались с двадцати трех часов восьмого марта до восьми часов девятого марта этого года?

Сегодня Кружнев не походил на съжившегося несчастного человека, смущенная улыбка с лица исчезла, он сидел, гордо подняв голову, сжав тонкие сухие губы и, хотя вопросы задавал следователь, смотрел на Отари прямо и неприязненно.

— Я не буду отвечать на ваш вопрос.

— За отказ от дачи показаний вы будете привлечены к уголовной ответственности, — сказал следователь.

— Это ваша работа, привлекайте.

— И привлечем, — неуверенно произнес следователь и покосился на Отари, давая понять, что пора вмешаться, иначе допрос, и без того бессмысленный, окончательно зайдет в тупик.

Прямая атака, предпринятая майором Антадзе, была вызвана следующими обстоятельствами. В семь утра к дежурному по отделению пришли две женщины и потребовали встречи с самым большим милицейским начальником.

Через полчаса Екатерина Иванова и Вера Матюшева, перебивая друг друга, признавались майору Антадзе в своих грехах. Иванова работала горничной в «Приморской», а ее подруга Матюшева медсестрой в ближайшем санатории. Именно у Матюшевой майор был накануне вечером.

Если убрать восклицания, междометия и сетования на судьбу, то история, которую они поведали Антадзе, оказалась довольно простой. У Кати Ивановой с Леонидом Кружневым роман, не курортная интрижка, а настоящая любовь и планы на совместную жизнь. Начальство в любовь не верит, за связь горничной с постояльцем может выгнать с работы, потому любовь тщательно скрывали. Ту проклятую ночь Кружнев провел у Ивановой, и она клянется здоровьем сына, что Леня как пришел после одиннадцати, так до утра и не выходил. Однокомнатная квартира Ивановой находится во флигеле гостиницы, пятилетний сын Коляка сейчас у бабушки.

Вера Матюшева живет при санатории в одной комнате с двумя подругами. У Веры есть жених, свадьба через месяц, вечером восьмого девушка с парнем загуляли, на дворе непогода, укрыться негде, и они решили зайти к Ивановой согреться. Но Иванова их в дом не пустила, и они допивали бутылку сухого под «грибком» неподалеку. Именно тогда Матюшева и увидела мужчину, который подошел к «Волге» по нужде. Зная, кто ночует у подруги, Матюшева и решила, что это Кружнев. Со зла, что Екатерина не пустила в дом, а на улице мокро и холодрыга, Вера трепанула про бухгалтера. Тут пошло-поехало. Матюшеву вызвали, потом товарищ майор сам приехал, она, Вера Матюшева, испугалась, что наклепала на невинного человека и счастье Екатерины нарушила, и бросилась к подруге.

Отари выслушал девушек, не перебивая, вспомнил логические построения Гурова, его опасения, что неизвестные черные силы могут убрать опасную свидетельницу, и злорадствовал. Ну, он лишь провинциальный второразрядник, а ты, столичный мастер, чего нагородил? «Попала под пресс, съедят, костей не выплюнут!» Отари совершенно не к месту рассмеялся. Девушки сразу замолчали, глядели испуганно.

— Спасибо, красавицы, за доверие, — сказал он. — Разговор останется между нами, трудитесь, любите, рожайте детей, в общем, живите. И меньше болтайте, — закончил Отари сурово, встал, давая понять, что разговор окончен.

— Вы Леню не трогайте, он хороший, — сказала на прощание Катя Иванова.

Сначала Отари хотел позвонить Гурову, затем решил самолюбие товарища поберечь. Кружнева официально допросить. Ведь кто-то гайки открутил, факт, так пусть преступник узнает, что его видели. Может, начнет дергаться, глупостей наделает.

Кружнев, выпитив острый подбородок, смотрел на Отари воинственно. «Сильный мужчина, — уважительно подумал Отари. — Не хочет женщину пачкать».

— Почему вы не хотите ответить на простой вопрос? — миролюбиво спросил Отари.

— Не вижу смысла.

— Раз спрашиваем, значит, смысл есть, — вспылil следователь.

— Подожди, Степан Прокофьевич, — сказал Отари. — Товарищ не понимает, надо объяснить. Вы знаете, Леонид Тимофеевич, в ту ночь угнали от гостиницы машину. Она сорвалась в ущелье и разбилась. Эксперты утверждают, что крепежные гайки правого переднего колеса «Волги» были свинченны. Вы не знаете, кто их открутил?

— Не знаю. — Кружнев удивился откровенности милиционера.

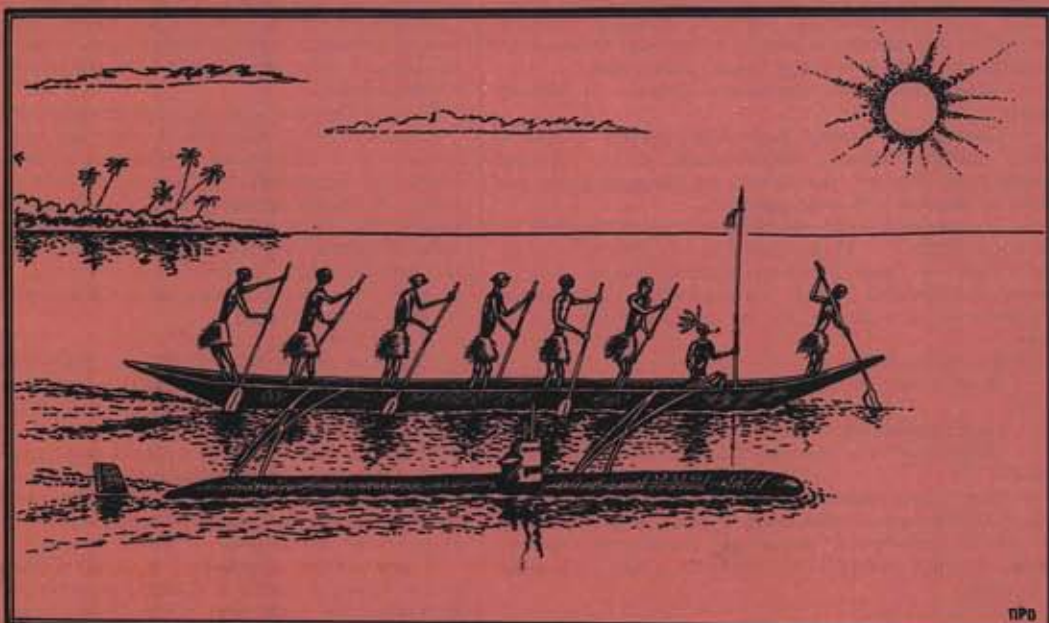
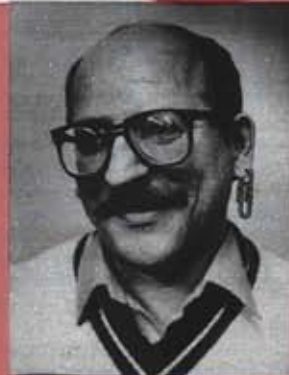

АЛЕКСАНДР ПРОНИЧКИН

С бородатыми на вернисаже мы временно покончили, так навалились вот рисующие педагоги. У Александра ПРОНИЧКИНА биография, правда, несколько неразборчивая — он и географо-биологический факультет МГПИ имени В. И. Ленина окончил в 1972 году, и карикатуру первую свою тогда же в центральной печати опубликовал. Она ему самому понравилась, и вот уже 16 лет различные издательства эксплуатируют его фантазию. И надо же — не уменьшается...

ЧИТАЙТЕ
В БЛИЖАЙШИХ
НОМЕРАХ:

Итоги
международного
футбольного
турнира на призы
«Смены».

Как в Польше
борются
с наркоманией.

Милосердие
по-ленинградски.
Фоторепортаж.

Беседа
доктора
философских наук
М. Джунусова
о международных
отношениях.

Трагедия зодчего.
О судьбе
великого
русского
архитектора
В. И. Баженова.

Уважаемые товарищи!
В течение года
вы можете выписать
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве
«Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу «Смена»
поступает
в ограниченном
количестве.

30-я шахматная олимпиада

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР

Ф. Давиденко
1986 г.

Мат в 4 хода

Фg1! с угрозой 2. Лg5+ Крh6 3. Лh5+! Кр:h5 4. Фg5x, 1...Крh6 2. Лg6+ Крh7 3. Лh6+! Кр:h6 4. Фg6x, 1...Крh4 2. Лg4+ Крh5 3. Лh4+! Кр:h4 4. Фg4x (1...Лg3 2. Л:g3).

Интересный пример взаимодействия ладьи и слона белых: в трех эхо-вариантах ладья приносит себя в жертву с целью расчистки пути для своего ферзя!

Восьмой тур

Белые: Крf1, Сb5, п.f2 (3)
Черные: Крh1, Кd8, пп. f3, h2 (4)
Мат в 4 хода (3 балла)

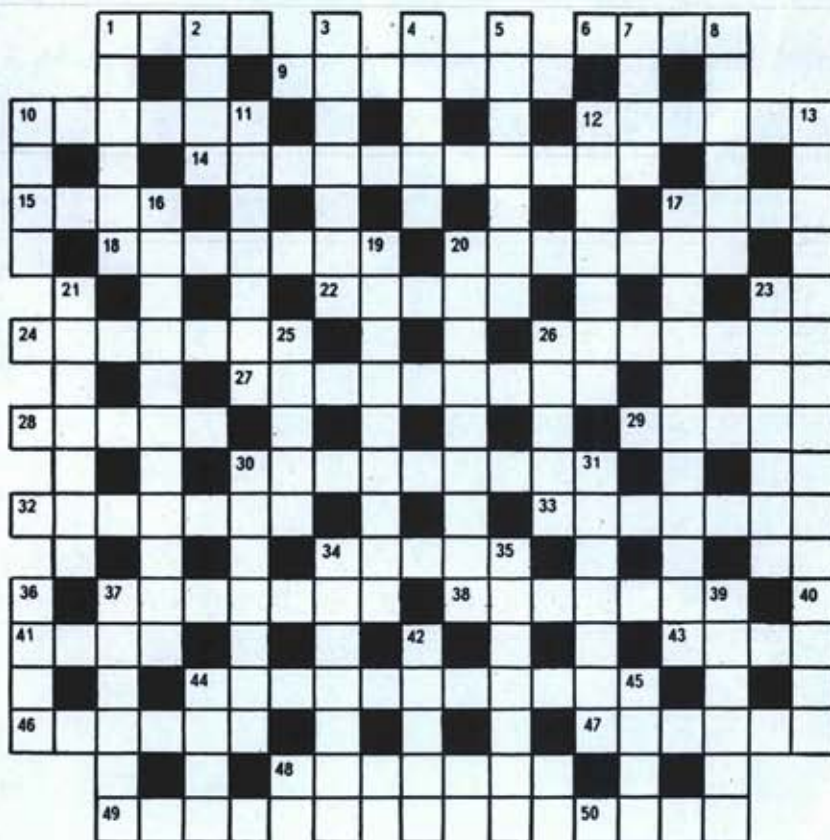
Белые: Крh2, Фе7, Се4 (3)
Черные: Кре3, Фа1 (2)
Выигрыш (5 баллов)

ПОПРАВКА

В статье «Мужество и нетерпение» («Смена» № 6) на стр. 2 следует читать: «А с 1926 по 1928 год Шацкий являются секретарем Центрального Комитета ВЛКСМ».

КРОССВОРД

Составил П. Горбунов, Бугуруслан Оренбургской области

По горизонтали:

1. Самая большая река на Пиренейском полуострове. 6. Земляная миндаль, сыть съедобная (общее название). 9. Телега + ... = воз. 10. Привидение, призрак. 12. Цирковой трюк. 14. Прибор для испытания фотографических свойств бумаги, пленки. 15. Важнейшая часть репертуара слепых бандуристов. 17. Общее для арбуза, колодца, льда. 18. Итальянский писатель, участник Сопротивления. 20. Искусственный камень для полов в промышленных зданиях. 22. Клоунский номер в цирке. 24. Португальский поэт, о котором в России первым заговорил первый русский ученый-энциклопедист. 26. Участок молекулы в нуклеиновой кислоте с кодом строения одного полипептида. 27. Силикатный минерал в виде черных зерен. 28. Создатель проекта первого вертолета. 29. Хвойное дерево, которое часто изображал на картинах Поль Синьяк. 30. Человек, беззаветно любящий, почитающий и читаю-

По вертикали:

1. Охотничья птица Южной Бразилии и Парагвая, очень похожая на нашу куропатку. 2. Бездна, в которой обитали Ночь и Туман (греческая мифология). 3. Героиня пьесы Э. Ростана, к которой обращены слова Сирано де Бержерака: «Я только тень для вас, вы для меня — лишь свет!». 4. Олицетворение медлительности в русском фольклоре. 5. Опера Ж. Бизе по поэме «Намуна» А. Мюссе. 7. «... страстного увлечения скоро проходит, остаются цели и здравый рассудок» (Паратов в «Бесприданнице» А. Островского). 8. Звезда на выгубе ковши Большой Медведицы. 10. Основоположник литературной басни в римской поэзии. 11. Нидерландский живописец XV века. 12. Оловянный колчедан. 13. Самоцвет, который необходимо хранить во влажной вате. 16. Металлургическое спекание. 17. Район Лондона с усыпальницей знаменитых людей Англии. 19. Способность, тем более присущая человеку, чем он умнее. 20. Ива, которой закрепляют пески. 21. Кожа, лучший переплетный материал. 23. Роман Жермены де Сталь, который, по словам Стен-

даля, с восхищением читала вся Европа. 25. Страна в Азии, родина тонкорунной овцы. 26. Золотая монета, отчеканенная впервые в Венеции в 1284 году. 30. Неглазурованный фарфор. 31. Плоский вертикальный выступ на стене здания. 34. Медный век. 35. Нижняя часть каблука. 36. Если б не было его, не сказал бы ничего (загадка). 37. Лекарственная форма. 39. Химический элемент, часто сопутствующий селену и сере. 40. Синоним слова «нахал» в поэме Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». 42. «Воздушные шары, вместо того чтобы увенчать изобретение воздухоплавания, стали на дороге его тормозом, задержав на много лет изобретение самолета, который без них, может быть, в настоящее время уже был бы найден, если принять во внимание механические средства, которыми мы владеем (петербургская газета, где это было сказано в 1863 году, за 18 лет до изобретения первого русского самолета). 44. Спортивный снаряд. 45. Карликовый буйвол, сохранившийся в лесах острова Сулавеси.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

1. Ящерица. 5. Учитель. 11. Истязание. 13. Термометр. 14. Ландыш. 16. Кебеж. 18. Микоян. 19. Хутор. 20. Сурок. 21. Несс. 23. Зонт. 24. Фанфаронада. 26. Аден. 27. Анод. 28. Правило. 29. Эбро. 31. Удод. 34. «Одиночество». 36. Веер. 37. уста. 38. Сибун. 40. Шквал. 42. Лесник. 43. Янька. 44. Жестер. 47. Бразильцы. 48. Трубецкой. 49. Янтарка. 50. Бахрейн.

По вертикали:

2. Щитоноска. 3. Роздых. 4. Цинк. 6. ... черт... 7. Тропик. 8. Лжекороед. 9. Римляне. 10. Граната. 12. Егер. 13. Туес. 15. Шуман. 16. Конференция. 17. Журналистика. 18. Морда. 22. Кривичи. 24. Ферро. 25. Анидо. 29. Эверсманн. 30. Одрик. 31. Увраж. 32. Десятский. 33. Хвальба. 35. Байрейт. 38. Синица. 39. Унты. 40. Шкот. 41. Лефевр. 45. Выюк. 46. Пума.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМОснован в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 8 (1462)

апрель 1988

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН

(заместитель

главного редактора)

Борис ДАНЮШЕВСКИЙ

(заместитель

главного редактора)

Владимир ДЕСЯТЕРИК

Александр КУЛЕШОВ

Альберт ЛИХАНОВ

Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ

Юрий РАГОЗИН

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ

Владислав СЕРИКОВ

Виталий ФЕДОРОВ

(главный художник)

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Художник

Владимир ЗАЙЦЕВ

Технический редактор

Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда».
«Смена», 1988 г.

Сдано в набор 04.03.88.
Подписано к печати 18.03.88.
А 10334. Формат 70×108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 975 000 экз.
Заказ № 2130.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Фото Юрия Соколова

АЛЕКСАНДР ЗАВАРОВ

Когда удовольствие от игры получают и судьи, и зрители — это и есть футбол! А. Заваров

— Мне говорили: «Какой Киев?! Ты что, опомнись! Да за те «художества», которые тебе в Ворошиловграде и Ростове прощались, ты из «Динамо» на второй день вылетишь. Оставайся, поиграешь и поживешь еще в свое удовольствие».

Чуткая футбольная молва опережает подчас самого игрока — так и 10 лет назад появление 17-летнего Заварова в составе ворошиловградской «Зари» было предвосхищено всезнающими болельщиками. Шлейф популярности тянулся за ним из юношеского футбола, где невысокий, светловолосый, щупленький парнишка обыгрывал порой целые команды. Есть такое расхожее выражение: «А остальное — дело техники». Техника у Заварова уже тогда была. Техника и фантастическое чутье на голевые позиции.

Строгой игровой дисциплине на поле он не подчинялся — вольный стрелок, и поди узнай,

откуда «выстрелить» собирается. Частенько «заигрывался», что в строго прагматическом футболе, исповедуемом в высшей лиге, отнюдь не поощрялось. Заварову, сразу утвердившемуся любимцем публики, многое прощалось. И не только на зеленом прямоугольнике поля...

— В детстве думалось: в командах мастеров только одни аскеты играют. Футболом живут, и ничем иным. Оказалось же — все как в кривом зеркале. Это мальчишки игрой бредят. Некоторые мастера же... Конечно, сам виноват, что именно к этой группе прибился — можно после матча и «расслабиться», не грешно вроде и тренировку-другую пропустить. Что называется, не футболом единым — только в ином несколько смысле. Да и команд на свете много — доигрались в Ворошиловграде до первой лиги, не страшно — полсостава в Ростов переехали, и переход этот, не-

смотря на строжайшие, вроде бы запрещающие инструкции, разрешили. В донской команде режим спартанским не был...

Целеустремленность — свойство сильных натур. Таланта, чтобы безбедно провести свой игровой век в тихой периферийной гавани, у Александра хватило. Иногда ростовчане даже нешуточные шторма устраивали — выигрвали, например, однажды Кубок страны. Но достало и характера, чтобы сказать себе: «Хватит, пора кончать с потребительским отношением к жизни». Тут и подоспело приглашение из киевского «Динамо»...

Диего Марадона, проведя вместе с Заваровым в Англии в прошлом сезоне всего несколько минут на поле в составе сборной мира, сказал, что мечтал бы всю жизнь играть с таким партнером — Заваров найдет себя, по его мнению, в любой команде. Марадона не знал, что в киевском «Динамо» в течение двух

лет Александр никак не мог прийти ко двору — как ни старался форвард, удачных матчей приходилось у него по 5—6 в сезон, не больше. «Доброжелатели» звали к прошлому, но «нет» Заварова оказалось твердым.

И только подчинив свою попрежнему неисчерпаемую фантазию интересам команды, вновь заблестал этот футболист. Пришло признание — сначала в Киеве, где избалованный в последние годы победами зритель частенько называет сегодняшнее «Динамо» «командой Заварова», затем — в стране, в международном признании можно, наверное, считать слова Марадоны.

Александр Заваров, кстати, тогда, в Лондоне, ответил Диего, что не прочь бы сыграть и против него — например, в финальной стадии переездов мира 1990 года. Но сначала надо нынешним летом успешно выступить в ФРГ, на чемпионате Европы...

Сергей ВЯЗЬМИТИН

Индекс 70820.

Цена номера 35 коп.